

Н.Б. Карданова
**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ АЛЬБЕРТО ВИМИНЫ
В РОССИЮ XVII В.**

Аннотация: В 1655 г. в России с дипломатическим визитом побывал Альберто Вимина (1603–1667), представлявший интересы Венецианской республики, которая искала в царе Алексее Михайловиче союзника в борьбе с Османской империей в тот момент, когда шла русско-польская война. В ожидании царской аудиенции Вимина провел полгода в России, описав свое пребывание в различных русских городах и проведенные им переговоры в письмах к послу Венецианской республики в Вене Джованн Баттиста Нани. Прием Вимины в России осуществлялся местными властями с личного ведома царя Алексея Михайловича и, разумеется, координировался сотрудниками Посольского приказа, соответствующая переписка есть в российских архивах. Анализ указанного документального материала свидетельствует о том, что миссия Вимины, предпринятая по его инициативе и не достигшая главной цели, получила различное освещение в русских и итальянских источниках в зависимости от коммуникативной задачи, которая, наряду с дипломатическим/речевым этикетом, организует структуру текста и определяет выбор речевых средств, в результате чего возникает описание той реальности, которая должна предстать перед адресатом отчета. Вместе с тем здесь отражена специфика дипломатической службы как с российской, так и с итальянской стороны и труд местных властей России по приему венецианского дипломата в сложных исторических условиях.

Ключевые слова: Альберто Вимина, царь Алексей Михайлович, Венецианская республика, дипломатический визит, письмо-отчет.

Nataliya B. Kardanova
**DIPLOMATIC MISSION OF ALBERTO VIMINA
TO RUSSIA IN THE 17TH CENTURY**

Abstract: The article examines a diplomatic mission of Alberto Vimina to Russia in the 17th century. In 1655, Alberto Vimina (1603–1667) visited Russia representing the interests of Venetian Republic, which was looking for an ally in

Tsar Alexei Mikhailovich in the fight against the Ottoman Empire at a time when Russian-Polish war was going on. In anticipation of the audience, Vimina spent half a year in Russia, describing his stay in various Russian cities and negotiations he held in letters to the ambassador of Venetian Republic in Vienna, Giovan Battista Nani. Vimina was received in Russia by the local authorities coordinated by Posolskij Prikaz with personal control of Tsar Alexei Mikhailovich. The mission of Vimina undertaken on his initiative did not achieve the main goal and was reported in different ways in Russian and Italian sources. The structure of text is determined by communicative aim, and as a result it's a description of the reality that should appear before the addressee of report. At the same time, it reflects specifics of the diplomatic service in Russia and in Venetian Republic and the work of local authorities of Russia in difficult historical conditions.

Keywords: Alberto Vimina, Tsar Alexei Mikhailovich, Republic of Venice, diplomatic visit, letter of report.

В 1655 г. в России с дипломатической миссией побывал венецианский посланник Альберто Вимина. Прием, оказанный ему российской стороной, был запечатлен в письмах-отчетах Вимины перед Светлейшей республикой, адресованных послу Венецианской республики в Вене Джован Баттиста Нани (1616–1678) [14, р. 274–283; приводятся в этой статье в нашем переводе. — *Н.К.*]), а также в русских официальных источниках — в частности, в переписке царя Алексея Михайловича с различными представителями царской власти, касающейся приема Вимины («Дело о приезде в Россию венецианского посланника Алберта Вимина. 1655–1656 г.» [12, стб. 809–930]).

В настоящей статье мы попытаемся установить специфику освещения дипломатического визита Вимины в указанном документальном материале, охарактеризовав некоторые особенности такого жанра, как письмо-отчет о приеме иностранного посланника в России XVII в., в том числе и в сопоставлении его с жанром реляции¹.

В 1654 г., когда Венеция уже 10 лет изнемогала от начавшейся в 1644 г. Кандийской войны с Османской империей, которая претендовала на давнюю колонию Светлейшей республики — греческий остров

¹ Имеется в виду «Реляция о Московии» ([15], русский перевод: [10]; цитируется в настоящей статье с сохранением орфографии источника), написанная Виминой и поданная им в Коллегию Светлейшей республики в 1657 г. [14, р. 283].

Крит (Кандия на венецианском), Венецианский сенат принял решение обратиться за военной помощью к далекой и малознакомой России².

Вимина не принадлежал к числу знаменитых послов Венецианской республики, которыми, как правило, были выходцы из знатных венецианских родов. Он был мещанином из Беллуно, принявшим духовный сан, но волею судеб и своеобразных обстоятельств оказавшимся в числе дипломатических представителей Венеции. По признанию Вимины, он совершил в свое время одну «ошибку», которой воспользовались обладающие большой властью враги [14, р. 234–235], не оставив ему иного выхода, как бежать — из Рима в Неаполь и далее, пока в далекой Варшаве он не обрел покровителя в лице папского нунция (посла) Торреса, который по достоинству оценил личные качества Вимины и даже рекомендовал его своему коллеге, венецианскому послу в Вене, Никколо Сагрето [14, р. 235]. В свою очередь, Вимина сумел отвести от себя какие-либо подозрения в неблагонадежности, убедительно объяснив, в каких обстоятельствах произошел его побег за границу.

После Переяславской рады и решения Земского собора в Москве о принятии в подданство казаков во главе с гетманом Богданом Хмельницким (Вимина сообщил Сагрето о том, что «казаки поклялись в верности Московиту» [14, р. 245]), Вимина задумался о возможности совместных военных действий донских и запорожских казаков [14, р. 245] и, следовательно, о необходимости военного альянса с русским царем, который представлялся ему предельно выгодным не только стратегически, но и экономически: Венеция потратит средства на дорогие подарки царю, но не должна будет платить донским казакам, ему подчиняющимся, — для славившейся своим практицизмом Венеции, которую к тому же Кандийская война вынудила потуже затянуть пояс, это имело немалое значение.

Эти размышления мы находим в записке Вимины от 16 ноября 1654 г., которую он подал в венецианский Сенат [14, р. 271–272] (ниже цитируется в нашем переводе. — *Н.К.*). Основываясь на опыте, полученном в Польше, Вимина уверял сенаторов в том, что царь дале-

² Взаимоотношениям России и Венеции данного периода посвящены работы Дж. Джираудо [8], Ф. Лонгворта [9], торговым отношениям — монография И.С. Шарковой [7].

кой и малознакомой венецианцам Московии будет заинтересован таким предложением [14, р. 272]. Познания Вимины в географии и знакомство с климатическими особенностями, определяющими, в частности, возможности судоходства, позволили ему доказать, что дипломатическая миссия к русскому царю должна быть отправлена в ближайшее время [14, р. 272].

Вимина коснулся и такого практического аспекта, как количество человек, которых следует отправить с ним, подчеркивая особенности страны, в которую ему предстоит ехать. Россия в его записке представляла перед венецианским Сенатом такой, что необходимость в щедром выделении денег из венецианской казны на долгую поездку, ассистентов и прислугу не вызвала сомнений, — речь шла о жизни и смерти венецианской дипломатической миссии: «Что касается моей поездки, я полагаю, что со мной должен поехать надежный человек, что в Германии ко мне должен присоединиться еще один сопровождающий или два, а в Стокгольме — еще и переводчик и другие, дабы не оказался я в одиночестве в тех местах, где мало кто ездит по занесенным снегом местам и где по сей день мало кто живет, где царствуют мороз и варварство» [14, р. 272].

Доверившись опыту Вимины, венецианский Сенат постановил отправить его к царю Алексею Михайловичу. Верительная грамота от дожа Франческо Молина от 12 декабря 1654 г.³, которую Вимина вез с собой, характеризовала его как «человека доброго, мудрого и умного» [12, стб. 901]: дож просил царя «милостиво ево принять» [12, стб. 901]. О военном союзе в грамоте дожа, разумеется, не упоминалось ни слова: с ходатайством о помощи Вимина должен был обратиться к царю лично.

Момент для приезда венецианского посланника был далеко не самым удачным: царь Алексей Михайлович, лично возглавляя военную кампанию против Речи Посполитой⁴, находился в ставке, что затруд-

³ Русский перевод напечатан в [12, стб. 900–902], о роли грамоты дожа в русско-венецианских переговорах см.: [2].

⁴ В ответ на «предложение украинского гетмана Богдана Хмельницкого перейти со всей Малороссией в русское подданство» [5, с. 446], «царское правительство предложило Земскому собору 1653 г. решить вопрос об Украине, вновь тактично передоверив принятие решения по этому важнейшему внешнеполитическому вопросу Земскому собору, который должен был и нести ответствен-

няло работу Посольского приказа⁵, занимавшегося приемом дипломатических представителей иностранных государств в России.

В ведомстве Посольского приказа находилась и царская дипломатическая переписка: прием и перевод грамот иностранных правителей, а также составление царских грамот и перевод их на иностранные языки. Написанная от лица царя грамота за рубеж была плодом работы хорошо подготовленных профессионалов — составителей, переписчиков и оформителей, в ведении которых было словесное воплощение содержания, заданного царем и боярами. Их же одобрению подлежал окончательный вариант [11, с. 45–46], который затем оформлялся особенным образом (черными и золотыми чернилами, декоративным узором и т. д.), а также переводился на иностранный язык: Посольский приказ располагал штатом устных и письменных переводчиков.

Следует предположить, что грамоты от лица царя Алексея Михайловича к русским властям, на местах занимавшимся приемом Вимины, были, подобно его дипломатической переписке, составлены царскими чиновниками, после чего с одобрения их официального автора отправлялись адресату, но, в чем бы ни заключалась работа составителей, прием Вимины в России осуществлялся с личного ведома царя.

Во внешнеполитических отношениях допетровская Россия придерживалась собственной дипломатической иерархии, поскольку находилась вне системы феодальных отношений Европы, где цари не были коронованы ни папой, ни императором, не присягали им, и

ность, и обеспечивать финансирование войны за Украину. Собор 1653 г. постановил: присоединить в ближайшее время Малороссию к России, исходя из ходатайства украинского казачества. Обеспечить защиту православного населения Малороссии от посягательств на его свободу со стороны католической Польши. Известить об этом решении все европейские дворы специальными посланиями Посольского приказа. Опираясь на эти решения Земского собора, царь 1 октября 1653 г. торжественно объявил при закрытии Собора, что Россия будет вести войну с Польшей, если та попытается удержать Украину. Когда 6 января 1654 г. последовало решение Переяславской Рады, высказавшейся за добровольное присоединение Украины к России, то это и послужило последним формальным поводом, чтобы и Россия и Польша вступили в войну» [5, с. 448].

⁵ О деятельности Посольского приказа эпохи царя Алексея Михайловича достоверно известно из сочинения Григория Котошихина (†1667) [11] — бывшего подьячего этого ведомства, бежавшего сначала в Польшу, а затем в Швецию.

потому, исходя из особенного статуса русского царя, Россия «могла игнорировать установившиеся на Западе путем традиций иерархические отношения между монархами и державами» [1, с. 6–7], причем «этими данными определялось и отношение к церемониалу европейских держав и русских дипломатов, и русского правительства. Русские дипломатические представители не желали подчиняться западно-европейскому церемониалу, если только видели в его правилах умаление чести и достоинства своего государя» [1, с. 7].

Эти две составляющие дипломатического этикета — сохранение особенного, высочайшего статуса русского царя и обращение к иностранному правителю в соответствии с принятой в России внешнеполитической иерархией — определяли деятельность Посольского приказа как при работе с дипломатическими миссиями, так и во внешнеполитической царской переписке. Был выработан порядок приема иностранных послов в соответствии с их рангом — послов, посланников и гонцов: в русской дипломатической терминологии [6] того времени посол, к примеру, считался выше посланника, а тот, в свою очередь, выше гонца. В расчет принимался и ранг представляемых иностранными дипломатами правителей — подобно тому, как соблюдалась иерархия при составлении царских грамот за рубеж: от ранга адресата (император Священной Римской империи, король, республика) зависел выбор царских титулов (полные или краткие) и оформление их в беловике (количество используемой золотой краски) [11, с. 57–60].

В условиях военного времени вопрос о приеме Вимины координировался между царем Алексеем Михайловичем, находившимся на линии фронта вместе с сотрудниками Посольского⁶ и Тайного приказа⁷, между представителями царской власти на местах (прежде всего,

⁶ Судя по упоминанию «посольского шатра» и находившегося в нем думного дьяка Лариона Лопухина («А которого числа отпустишь, и ты б о том отписал к нам, В. Г-рю, а отписку велел подать в посольском шатре думному нашему дьяку Лариону Лопухину» [12, стб. 898].

⁷ Тайный приказ ведал не только наиболее важными государственными делами («ведает они и делают дела всякие царские, тайные и явные; и в тот Приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя» [11, с. 107]; «А устроен тот Приказ при нынешнем царе, для того чтоб его царская мысль и дела исполнились все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не

в Пскове, Великом Новгороде и Смоленске) и, разумеется, Москвой, где власть формально представлял малолетний наследник царь Алексей Алексеевич (1654–1670), где оставались боярин и князь Григорий Семенович Куракин — доверенное лицо царя Алексея Михайловича и Посольский приказ, возглавляемый дьяком Алмазом Ивановым.

Сведения о дипломатической миссии Вимины были получены еще на подъезде венецианца к России — из Таллина⁸ (древнерусское название «Колывань» находим в русских документах, шведско-немецкое «Ревель» — у Вимины) — псковскими властями: в Москву на имя наследника престола было немедленно отправлено первое сообщение о неких венецианских послых, направляющихся в Россию якобы для того, чтобы помочь в заключении мира между Россией и Польшей (за вторых дипломатических лиц, по-видимому, были приняты сопровождавшие Вимины четыре человека): «приехали де, государь, в Колывань в кораблех Винеицкие земли послы, а идут де те послы к отцу твоему Государеву, к В. Г-рю, Царю и В. Князю Алексею Михайловичу <...> для того, чтоб им меж отца твоего Государева <...> и Полского короля мирное постановление учинить» [12, стб. 811].

Хотя достаточно полными сведениями о Венецианской республике в России не располагали⁹, представления о своеобразном государ-

ведали» [11, с. 107]), но и некоторыми дипломатическими вопросами: в частности, именно дьяку Тайного приказа Томило Перфирьеву будут доверены переговоры с Виминой.

⁸ Сведениями о беседе такого рода у Вимины мы не располагаем — в нашем распоряжении нет его писем из Эстонии, в которых, как утверждает Вимины, он описывал свое путешествие: «Я писал из Ревеля и Нарвы Вашему превосходительству и всячески просил, дабы вручителями оных были они доставлены почтовому смотрителю в Гамбурге, а оттуда направлены Вашему Превосходительству. Однако в письмах этих речь шла исключительно о моем путешествии, так что, даже если они были утеряны, никаких сведений Ваше Превосходительство не потерял» [14, р. 274]. Судьба этих писем неизвестна.

⁹ Достаточно прочитать вопросы, которые дьяк Томило Перфирьев задал Вимине во время переговоров в Смоленске, причем, как следует из отчета Вимины, вопросы эти были зачитаны Перфирьевым, т. е. заготовлены заранее: «Дьяк, достав из своего свертка лист бумаги, зачитал мне первый вопрос: «Сколько лет Светлейшая республика воюет с турками?» Я ответил, что завершилась одиннадцатая кампания. Тогда он спросил: «Одна она воюет или же ее поддерживают другие государи?» Я ответил: «Одна». — «Находится ли она под протекторатом другого государства?» Я ответил, что нет, что Светлейшая республика — суверенное госу-

ственным устройстве Венеции, отличном от монархического, в Посольском приказе были. В то же время для российской стороны было важно установить точно дипломатический статус Вимины, который первоначально не был известен, дабы начать подготовку к переговорам.

В связи с этим из царской ставки последовали распоряжения: в Пскове — первом российском городе, где предполагалась официальная встреча Вимины, — определить дипломатический статус Вимины («А про то б велели проведать подлинно: послы ль они, или посланники, или гонцы?» [12, стб. 814]), встретив его на границе со Швецией (нынешней Эстонией) как голландских послов, т. е. на самом высоком уровне, полагающемся государству (не монархического типа правления), которое он представлял: «и вы б послали на свейской рубеж, где преж сего послов принимали, пристава... и подводы, и корм, и питье, примерясь во всем к приему галанских послов» [12, стб. 813]); в Москве — где первоначально предполагалась аудиенция — готовиться к приему Вимины по образцу приема или голландских послов, или

дарство. — “Называет ли Франческо Молино в своих письмах какого-либо государя другом или братом?” Я сказал, что это не принято. — “Является ли Франческо Молино королем?” Я ответил, что слово *король* противно духу нашей республики и нетерпимо в ней. Но что, тем не менее, Светлейшая Республика владеет королевствами — стариннейшим королевством Кандии и королевством Далмации, поскольку является владельницей самой прекрасной части последнего — морского побережья, где расположены главнейшие города и крепости, которые теперь настолько отдалены от границ, насколько велико пространство, занятое турками, и где находится крепость Клисса, завоеванная венецианским оружием. Тогда он поинтересовался, как обращаются государи к его светлости. Я ответил: “Светлейший князь”. Тогда он спросил: “Сколькими войсками располагают венецианцы? Я ответил: “Тремя, два из них — сухопутные, одно находится в Кандии, другое — в Далмации, третье — морской флот — многочисленный, дорогостоящий и сильный по сравнению с обычными войсками, наводящий ужас на турков, которые не раз терпели от него поражение”. Тогда он поинтересовался, велика ли территория, на которую распространяется власть Венеции. Я ответил, что территория эта — по суше и по морю — огромна, что венецианцы — хозяева Адриатики, Эгейского моря, где принадлежат им главные острова Греции — самые известные, самые богатые. Тогда он спросил: “С кем венецианцы граничат?” И я назвал все пограничные государства: Папа, турки, император, король Испании, герцог Мантуи — протяженнейшие границы. Спросил он: “Находится ли Светлейшая республика в дружественных отношениях с Императором?” — Я ответил, что да. Воевала ли она с ним или с другими государями? Я ответил, что воевала она со всеми, однако сейчас со всеми живет в мире, если не считать турков» [14, р. 279–280].

голландских посланников [12, стб. 817–818], а после того, как было решено принимать Вимины в ставке, — подняв дела в Посольском приказе, найти сведения о приеме венецианских дипломатических лиц разного ранга (послов, посланников и гонцов), чтобы организовать аудиенцию Вимины в ставке, и прислать эти дела в ставку вместе с переводчиком [12, стб. 829].

Псковские власти, получив из Гдова, куда к тому времени добрался Вимины, некоторые сведения о венецианской дипломатической миссии (3 июня «приехал ко Гдову из-за свейского рубежа, из Ругодива, немчин, а с ним людей ево четыре человека, а в роспросе сказался: зовут де ево Албертуш Вимины, Винецейские земли, а идет де он к тебе В. Г-рю, Царю <...> в посланниках от Винецейского князя Францыска Смолина» [12, стб. 821]), которые подтвердились, когда 12 июня Вимины приехал в Псков, сообщили царю Алексею Михайловичу имя посланника («Албертуш Вимины»), дипломатический статус («посланник»), цель визита (передать царю грамоту дожа и провести переговоры о неких важных государственных делах, о которых Вимины сообщает царю лично), от кого он послан — от венецианской Республики — Сената и дожа [12, стб. 821–822], тогда как в Москве, не найдя в Посольском приказе дел о приеме венецианских послов, сделали копию с документов о приеме голландцев и отправили их царю в ставку вместе с сотрудниками ведомства [12, стб. 848].

Местонахождение царя, к которому следовало препроводить Вимины, менялось по мере продвижения фронта, а вслед за тем изменялся и маршрут, по которому должен был проехать Вимины.

Вимины прибыл в Россию, перебравшись через реку Нарву, и, как писал он Нани, прибытие его осталось незамеченным вплоть до Ладуги («Абдога» у Вимины): «При въезде моем в Московию никто не интересовался мною целых 12 лиг от реки Нарвы, по которой проходит граница между Эстонией и этой Империей до тех пор, пока не прибыл я в Абдогу» [14, р. 274]. По всей вероятности, официальную встречу Вимины организовать не удалось ни на границе, ни в Ладуге в силу недостатка времени, что прошло от получения вести о прибытии некоего иностранного посланника.

В Ладуге («очень маленьком городке в 12 лигах от Нарвы») царскими чиновниками было установлено, кто такой Вимины и с какой целью он прибыл в Россию, а также были получены сведения о Вене-

цианской республике: «Но, начиная оттуда (с Ладogi. — *Н.К.*), проезд мой не был более свободен, поскольку, когда я прибыл, были мне заданы вопросы о том, кто мой государь, свободен он или же платит кому-то дань, друг он или недруг государю этой страны, каково имя его светлости дожа и как называется город, в котором он живет, каково мое имя и каковы имена моих слуг, есть ли при мне человек, состоящий на службе или же имеющий поручения от других государей, есть ли при мне проезжие документы и послания к его царскому величеству, велено ли мне предстать при дворе (в ставке. — *Н.К.*) его царского Величества или же в Москве перед великим канцлером (главой Посольского приказа. — *Н.К.*), спрашивали меня о пути, который я проделал, о том, с кем граничит государство Светлейшей республики, насколько оно далеко от поляков и насколько от шведов» [14, р. 274].

Как утверждает Вими́на, «поскольку на все эти вопросы ответил я так, как следовало, дано мне было знать, что должен я оставаться в этом городе до тех пор, пока о моем прибытии не будет сообщено воеводе Пскова, во власти которого разрешить мой дальнейший проезд и который получает указания от двора, куда именно следует препроводить посланников» [14, р. 274].

В ожидании разрешения от псковского воеводы Вими́на провёл в Ладогe 8 дней, после чего добрался до Пскова, в котором он предполагал «находиться до тех пор, пока от великого князя не будет получено распоряжение, куда меня следует препроводить» [14, р. 274]. Вими́на рассчитывал, что его пребывание здесь «может затянуться до трех-четырех недель, поскольку его величество находится в Вильне, которая, как полагают многие, уже подверглась атаке» [14, р. 274]. Из Пскова 27 июня 1655 г. Вими́на написал первое письмо Нани из России, в котором рассказал о своем пребывании и в Ладогe, и в Пскове.

Хотя Вими́на полагал, что раньше возвращения в Ливонию не сможет переслать следующее свое письмо Нани [14, р. 276], уже 17 июля 1655 г. он сообщил в Вену из Новгорода о том, что «прибыл в этот город из Пскова два дня назад» и что на следующий день рассчитывает продолжить «свой путь в Москву, до которой добраться обычно можно отсюда за десять дней» [14, р. 276]. Однако «на полпути прежнее распоряжение было отменено и было сказано, чтобы дальше мой путь лежал в Смоленск, куда я прибыл на шестой день августа» [14,

р. 277], — писал Вими́на в своем письме к Б. Нани от 24 января 1656 г. из Риги, по завершении своих странствований по Московии.

Действительно, первоначально предполагалось, что Вими́на через Псков и Великий Новгород проедет в Москву [12, стб. 813], Псков [12, стб. 839]) и в Новгород [12, стб. 840]).

Однако 12 дней спустя [12, стб. 833] псковским властям было приказано, снабдив Вими́ну транспортом, деньгами, едой и напитками, направить — через Невль, Торопец и Белую — в Смоленск, а в случае, если он уже выехал в Москву, выслать за ним «нарочного гонца» и изменить маршрут. Приставу, следовавшему с Вими́ной из Пско́ва, предписывалось «с тем посланником к Москве не ездить, а ехать к Государю в полки на Смоленск» [12, стб. 842] и срочно сообщить царю в ставку о том, откуда и через какие города он поедет в Смоленск [12, стб. 843].

Царские распоряжения разминулись с венецианским посланником: к моменту их получения Вими́ны в Пско́ве уже не было — он выехал, как и полагалось изначально, из города в Москву 30 июня, добрался до Великого Новгорода, откуда местными властями и был направлен в Смоленск, где должны были готовиться к приезду Вими́ны [12, стб. 835–837], в то время как встречать его следовало также в трех городах, через которые он должен был проехать в Смоленск: в Невле, Торопце и Белой [12, стб. 837–839].

Вими́на, рассказывая о своих странствиях по России в письме к Б. Нани от 24 января 1656 г., отправленном уже из Риги, пишет, что уже проехал Новгород, когда поступило распоряжение ехать не в Москву, а в Смоленск — иными словами, если верить венецианцу, новгородцы отправили его в Москву, а затем с полпути его экипаж повернули в сторону Смоленска: «великий князь сначала распорядился, чтобы из Пско́ва я был препровожден в Москву, но, после того, как мы миновали Новгород и проехали едва полпути, это распоряжение было отменено и было решено, что я должен ехать в Смоленск, куда мы прибыли шестого числа августа. Здесь мне было велено оставаться до 21 сентября, после чего мне было сказано ехать в Литву» [14, р. 277].

Прождав приезда царя в Смоленске более месяца (местный воевода написал царю Алексею Михайловичу о въезде Вими́ны в город 29 июля [12, стб. 863] и выезде 8 сентября [12, стб. 888]), Вими́на

должен был проследовать в царскую ставку в Литву, в Вильно [12, стб. 864].

Однако, как пишет Вимины в письме к Нани, «когда мы подъехали к Борисову, будучи всего в четырех часах пути от его величества, при- был гонец с распоряжением вернуться в Шклов. Однако после того, как я провел в этом городке всего один день, мы получили новое рас- поряжение — вернуться в Смоленск» [14, р. 277].

Действительно, первоначально предполагалось, что царской ауди- енции Вимины должен ожидать в Шклове: устный переводчик По- сольского приказа — «толмач Емельян Ячюров» — должен был пере- хватить экипаж Вимины и повернуть в Шклов [12, стб. 883]; властям Борисова велено было отправить Вимины назад в Шклов [12, стб. 885– 886], а властям Шклова — принять и задержать его в городе или же вернуть, если он уже из него выехал («виницейского посланника, будет не дошел Шклова, и ему стоять в Шклове до нашего приходу, а будет прошел мимо Шклова к нам на стан, и ево с дороги поворо- тить назад в Шклов и быти потому ж в Шклове до нашего приходу» [12, стб. 883].

Однако вскоре было решено вернуть венецианца в Смоленск — так Вимины второй раз въехал в город, куда царь Алексей Михайлович прибыл «21 ноября по новому стилю», как пишет Вимины [14, р. 277].

Если верить документам Посольского приказа, заболев, Вимины написал ходатайство царю¹⁰, в котором просил принять у него грамо- ту и дать ответ на итальянском или латинском, поскольку в Венеции нет переводчика с русским: «чтоб Е. Цар. Вел-во изволил у меня ве- рующую грамоту взять и выслушать, что мне приказано изустно гово- рить, и себя великого доложить, и на то мне свой Цар. Вел-ва мило- стивой ответ учинить, и свою Цар. Вел-ва грамоту мне дать и с той своей Цар. Вел-ва милостивой грамоты дать перевод на итальянском или на латынском языке, потому что в Виницее ныне переводчика нет, кто б руской язык умел перевесть» [12, стб. 908]).

Вимины, однако, утверждает другое: о болезни, его «настигшей» [14, р. 278], он сообщил царю через своего пристава.

Как бы то ни было, Вимине удалось провести переговоры благо- даря тому, что царем к нему был прислан дьяк Томило Перфирьев,

¹⁰ Итальянский оригинал: [12, стб. 907], русский перевод: [12, стб. 907–908].

которому Вимина через переводчика в ходе переговоров¹¹ сумел убедительно описать открывающиеся для России перспективы и в том случае, если она окажет военную помощь Венеции, и в том, если она установит с ней торговые отношения, после чего через того же Перфильева Вимина получил ответ на свое предложение от царя в устной [14, р. 280–281] и в письменной форме (грамота царя Алексея Михайловича дожу от 23 ноября 1655 г.¹²). В ней, однако, о возможности военной помощи Венеции речи не было: занятая войной на западных рубежах Россия не могла открывать театр военных действий на южном направлении. Тем не менее миссия Вимины способствовала активизации российско-венецианских отношений.

Что же касается «челобитной» Вимины царю о приеме, сохранившейся в Посольском приказе, то она была подписана им уже после переговоров, когда переводчик Посольского приказа, с которым у Вимины установились дружеские отношения и который часто бывал у него, попросил переписать и подписать ходатайство на итальянском, написанное переводчиком от лица Вимины, что венецианец счел возможным сделать [14, р. 282].

На следующий день после того, как царь Алексей Михайлович отбыл из Смоленска в Москву, Вимина «тоже выехал из города, 6 декабря, на саних, с неспадающей температурой» [14, р. 277].

Завершая рассказ о своих странствиях в ожидании царской аудиенции, Вимина, уже из Риги, поделился с Нани своими предположениями о причинах, заставивших царя столь часто менять решение: «Думаю, я столь много ожидал и странствовал, как то было угодно великому князю, потому, что сначала он занят был взятием Вильны, а затем вынужден быть заниматься устройством там дел, и, предпочитая, чтобы я тем временем был свободен, не отдавал он распоряжение, дабы двигался я вперед. И когда он позвал меня в Литву, он был вдоховлен появившейся незадолго до того надеждой взять Бицов (Быхов. — Н.К.), и потому велел мне вернуться назад, что, возможно, надеялся добавить в свои титулы и это новое завоевание (Быхов был

¹¹ «Ответные статьи виницейского посланника, как допрашивал дьяк Томило Перфильев» [12, стб. 902–907], анализ переговоров см. в: [4].

¹² Оригинал хранится в государственном архиве г. Венеция: Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. F. 13, № 2, напечатана в: [12, стб. 918–925]; анализ грамоты см. в: [3].

взят. — *Н.К.*) Однако, когда надежды оказались тщетными и он принужден был отойти вместе с войском и отступить, он прибыл в Смоленск 21 ноября по новому стилю, или, как пишет он в своей грамоте, 11 ноября этого месяца по старому стилю» [14, р. 277].

Как мы видели, Вимины, по возможности, сообщал Нани о вынужденном ожидании: сначала восемь дней в Ладоге [14, р. 274–275]), затем предполагаемый Виминой месяц (три-четыре недели) в Пскове, благодаря чему в Венеции, тратившей средства на его путешествие и ожидавшей царского решения, знали о теряемом им времени и о зависимости от решений царя.

Следует сказать, что за те полгода, что прошло с момента въезда Вимины в Россию (июнь) и до назначения ему царской аудиенции (ноябрь), Виминой было написано всего два письма — одно, от 27 июня 1655 г., № 25¹³, из Пскова, в котором описывалось прибытие в Россию и пребывание в Ладоге и в Пскове, и одно из Новгорода, от 17 июля 1655 г., № 27¹⁴, где говорилось о встрече на берегу озера Ильмень со шведским гонцом, везшим грамоту от шведского короля царю Алексею Михайловичу, а также об успехах русского оружия. О последующих событиях (от отправления Вимины из Новгорода в июле и до отбытия его из России в ноябре) речь шла в четырех письмах, написанных в один день, 24 января 1656 г., уже из Риги — № 32¹⁵ (о пути от Новгорода до Смоленска, пребывании там и отбытии из России), № 33¹⁶ (о переговорах с царским дьяком Томило Перфирьевым), № 34¹⁷ (о беседе с царским переводчиком) и № 35¹⁸ (о получении через Перфирьева ответной царской грамоты). Сам Вимины объяснял

¹³ Archivio di Stato di Venezia. Dispacci Germania. Dispaccio № 158, filza 106, ff. 103–104, опубликовано в: [14, р. 274–276].

¹⁴ Archivio di Stato di Venezia. Dispacci Germania. Dispaccio № 139, filza 106, ff. 6–9, опубликовано в: [14, р. 276–277].

¹⁵ Archivio di Stato di Venezia. Dispacci Germania. Dispaccio № 231, filza 106, ff. 478–479, опубликовано в: [14, р. 277–278].

¹⁶ Archivio di Stato di Venezia. Dispacci Germania. Dispaccio № 231, filza 106, ff. 480–483, опубликовано в: [14, р. 278–281].

¹⁷ Archivio di Stato di Venezia. Dispacci Germania. Dispaccio № 231, filza 106, ff. 484–485, опубликовано в: [14, р. 281–282].

¹⁸ Archivio di Stato di Venezia. Dispacci Germania. Dispaccio № 231, filza 106, ff. 486–487, опубликовано в: [14, р. 282–283].

это тем, что «из других мест не писал, поскольку находился я в пути или же был в местах, где нет немецких купцов, которым обычно мог я доверить некоторые письма, поскольку в Московии нет почтового сообщения, как в других частях Европы» [14, р. 277].

Рассказывая о Ладоге, Пскове и Смоленске в письмах к Нани, Вими́на давал по возможности краткую характеристику города, сосредоточивая внимание на оказанном ему приеме.

Царскими указами в Ладогу — первый русский город, о котором пишет Вими́на, — и соответствующими отчетами местных властей о приеме Вими́ны мы не располагаем — тогда как из письма Вими́ны к Нани от 27 июня 1655 г., № 25, написанном в следующем пункте назначения — Пскове, следует, что он остался доволен местным приемом.

Вынужденное уединение за пределами города Вими́ну не тяготило прежде всего в силу любезности приставленной к нему охраны и в конечном счете свободы передвижения под охраной: «и посему велено было мне уединиться в пригороде, в маленькой деревне, на расстоянии одной итальянской мили от города, под охраной 8 солдат, которые, однако, никоим образом меня не ограничивали и разрешали мне следовать повсюду, куда мне только было угодно, дабы подышать свежим воздухом» [14, р. 274–275].

Уединенность своего Ладожского пребывания Вими́на никак не объяснял и, в частности, не связывал с закрытостью Московии, тогда как в «Реляции о Московии» он отмечал, что в Московии иностранных посланников селят уединенно, не допуская контактов российских должностных лиц с иностранцами, чем гарантируют невозможность подкупить представителей царской власти: «Здесь нельзя преклонить Министра в пользу какого-либо из иностранных государств: ибо им запрещено иметь знакомство с Посланниками иностранных Государей, и сии последние обязаны жить в отведенной им квартире, потому что здесь визиты не в обыкновении, ниже какие-либо другие проявления учтивости» [10, № 108, с. 93].

Вими́на отметил любезность воеводы в Ладоге, дары и пришедшееся ему по вкусу угощение: «В последующие дни воевода (которого, впрочем, его министры никому не позволяют увидеть; кроме того, они не позволяют въехать в город никому из путешественников, если только он не купец) часто посылал ко мне людей справиться о моих

делах, а на третий день любезно прислал мне свои дары: в повозке, которую везла лошадь, были живая овца, два не очень больших ржаных хлеба и один белый хлеб, бочка с тремя ведрами пива, далее шли три слуги с тремя блюдами, покрытыми свешивавшимися с них салфетками: в первое был налит густой суп, приправленный чесноком (очень часто используемая в этой стране приправа), на втором лежали три большие фрителле (фрителла — венецианский пончик; по всей вероятности, имеется в виду пирожок. — *Н.К.*), в каждой из которых было мелко порубленное яйцо, а на третьем блюде лежал черный ржаной хлеб, замешенный на масле, в форме нашего торта (скорее всего, имеется в виду пирог. — *Н.К.*) — все блюда очень изысканного вкуса» [14, р. 275].

Не оставил без внимания венецианский посланник и то, что воевода проявил к нему внимание при отъезде из Ладого: снабдил его провизией («А когда собрался я уже покинуть город, снова прислал он мне блюда: пол-овцы, три ржаные сфольяты (вероятно, ржаной пирог. — *Н.К.*), заполненные кислым створоженным молоком и опять три фрителлони (большие венецианские пончики. — *Н.К.*), как те, о которых шла речь выше» [14, р. 275]) и выделил ему бесплатно транспорт, охрану и курировавшего Вимины пристава до Пскова («а также предоставил мне повозки, охрану из шести солдат, а также пристава: пристав — это один из тех дворян, что находят нам жилье среди крестьянских изб» [14, р. 275]).

Как видим, русская кухня, с которой Вимины впервые познакомился в Ладого, охарактеризована им положительно, причем как «изысканная», в отличие от его же «Реляции о Московии», где Вимины отказывает местным блюдам — причем вне зависимости от социального уровня — в изысканности («не весьма нежные кушанья»; следует предположить, что блюда в Ладого были исключением, о котором, впрочем, в «Реляции» не упоминается), а русским поварам, не владеющим кулинарным искусством (блюда «худо приправленные и худо сваренные»), — в профессионализме: «Люди благородного происхождения, равно как и нижняго класса, употребляют здесь не весьма нежные кушанья, худо приправленные и худо сваренные; лучшими почитаются: козье мясо, баранина и говядина, также дичина, которая там в изобилии; но, кажется, что они не находят в ней особеннаго вкуса» [10, № 106, с. 224].

В остальном же в «Реляции» Вимины достаточно нейтрально представляет сведения, которыми владеет (к примеру, перечисляет наиболее ценимые виды мяса: «Лучшими почитаются: козье мясо, баранина и говядина, также дичина, которая там в изобилии; но кажется, что они не находят в ней особенного вкуса» [10, № 106, с. 224]), отмечая те, которых в его распоряжении нет. К примеру, ему не знаком постный стол («Я не знаю, что они едят во время предпраздничных постов, коих считается четыре» [10, № 106, с. 224]), за исключением того, что в постные дни русские отдают предпочтение черному хлебу («Я видел в сие время, что крестьяне (в местах, где нет рыбы), также солдаты и извошники (здесь и далее сохранена орфография источника. — Н.К.) питаются черными сухарями, размоченными в воде с солью; к чему, для большего вкуса, примешивая иногда несколько овсяной муки, а в летнее время прибавляют нарезанных огурцов» [10, № 106, с. 225]), а также луку и чесноку, в том числе и в качестве приправы («Не менее того едят они со вкусом сырой лук и чеснок, употребляя их также для приправы, вместо пряных кореньев, которые обыкновенно везде покупаются очень дорогою ценою» [10, № 106, с. 225]). Разумеется, в описании своем Вимины точен ровно настолько, насколько позволяет ему то собственная культура: так, из реляции Вимины читатель узнает о «размоченных сухарях», тогда как на самом деле речь шла, вероятно, о похлебке из черных сухарей, а в случае добавления огурцов, скорее всего, об окрошке.

Псков в письме к Нани предстает как город большой, «который, насколько я могу судить, не может быть меньше пяти наших итальянских миль», и живой, «где очень много жителей и где кипит жизнь» [14, р. 275]).

Распоряжения о приеме Вимины в Пскове, данные царем местным властям, отражают принятую в Посольском приказе норму:

– организовать встречу Вимины на границе со Шведским королевством с должными торжествами, отправив опытного пристава: «И как к вам ся наша грамота придет, а о виницейских послех (здесь и далее сохранена орфография источника. — Н.К.) из Кольвани державец во Псков к вам отпишет, что он из Кольвани тех виницейских послов отпустил во Псков, и вы б послали на свейской рубеж, где преж сего посланников принимали пристава, кому у них быть, человека знающего и кого б с такое дело стало, да подьячева, и подводы, и корм, и

питье, примерясь во всем к приему галанских послов, и наказ приставу, как ему на встрече говорить речь и дорогою ехать, дать велели против прежних же наших указов, да о том бы есте о всем к нам отписали с нарочным гонцом» [12, стб. 813];

– распорядиться, чтобы пристав заблаговременно сообщил о прибытии послов в Псков: «А с подхожева стану велели б есте приставу ж о послех к вам отписатца» [12, стб. 813–814];

– устроить торжественную встречу Вимины в городе, включающую проезд по улицам, специально заполненным местными жителями, одетыми как подобает, и преподнесение в день приезда специально-го угощения («почетной корм и питье») от князя, а также обеспечить его жильем, предназначенным в городе для дипломатических миссий: «А как послы придут, и вы б велели их поставить на дворех, где преж сего стаивали послы; и которыми места послом итти, и вы б выслали служилых всяких и посацких людей в чистом платье, чтоб было в тех местех людно и стройно, по посолскому обычаю; а на приезде послал бы еси почетной корм и питье послом от себя ты боярин наш и воевода князь Иван Ондреевич» [12, стб. 814];

– организовать отъезд Вимины в следующий пункт назначения — Великий Новгород, полностью обеспечив транспортными средствами и пропитанием в дорогу: «а виницейских послов из Пскова отпустили б есте к Москве с тем же приставом на Великий Новгород, и до Великого Новгорода в дорогу послом корм, и питье и подводы дать против того ж, по чему им от свейского рубежа давано до Пскова» [12, стб. 814];

– сообщить об отъезде венецианцев из Пскова новгородским властям до того, как туда прибудут венецианцы, дав им таким образом возможность вовремя подготовиться к приезду: «да и в Великий Новгород к воеводе нашему ко князю Ивану Ондреевичу Голицыну и к дьяку Василью отписали б есте, наперед посолского приходу, чтоб у них о том было ведомо, а от нас о том в Великий Новгород писано ж» [12, стб. 814];

– распорядиться устно и письменно, чтобы пристав, отправленный с Виминой в Великий Новгород и затем в Москву (как то сначала планировалось), загодя сообщил о приближении венецианских послов тем, кто должен принимать их на месте: «виницейских послов приставу, ково с ними пошлете, в наказ велели написать и словом

приказали: как учнут виницейские послы к Великому Новгороду приезжать, и, не доезжая до Великого Новагорода, пристав их послал в Великий Новгород к воеводе нашему, ко князю Ивану Ондреевичу, и к диаку сказать, чтоб у них в Великом Нове городе про посольской приход было ведомо, а без обсылки б есте в Великой Новгород приставу с послы ходить не велели; да и под Москву пришед с подхожева стану велели б есте приставу по тому ж описатца, а без обсылки ходить не велели» [12, стб. 815].

Псковские власти должны были «отписатца» царю Алексею Михайловичу о том, как будут кормить венецианских гостей на подъезде к Пскову («по чему им учнут давать поденного корму, и питья»), сколько подвод дадут для въезда в город («и подвод в дороге»), когда состоится их торжественный въезд в Псков («и которого числа почаят с послы притти во Псков») — информацию об этом они должны были получить от пристава («и о том бы о всем пристав отписал к вам во Псков, а вам бы о том отписати и тому роспись прислать с нарочным гонцом к нам В. Г-рю»), который, разумеется, должен был сообщить им о подъезде к городу («А с подхожева стану велели б есте приставу ж о послех к вам отписатца» [12, стб. 813–814]). Псковитянам полагалось немедленно («наскоро») сообщить о дате приезда венецианцев в Псков, рассказать, о составе «почесного корма», отправленного им от лица псковских властей, а также о том, как их содержали в дороге и о чем они будут говорить с приставом: «А которого числа виницейские послы во Псков придут, и сколько корму, и питья, и под них подвод в дороге давано, и что к ним на приезде в почесной корм пошлете, и что с приставом виницейские послы поговорят, о том бы есте обо всем изо Пскова отписали к нам В. Г-рю тотчас наскоро» [12, стб. 814].

Из специальной «росписи» псковского воеводы Хилкова, написанной новгородским властям при отъезде Вимины в Новгород, известно, какой стол сумели организовать Вимине в Пскове: «дано Государева жалованья виницейскому посланнику Албертушу Вимену и людем ево поденного корму во Пскове и в дорогу до Новагорода, на пять ден: посланнику Албертушу Вимену по 3 алтына, людем ево 4-м человеком по 6 денег на день; питья посланнику по 4 чарки вина, по 3 крушки пива, по 2 крушки меду на день, людем ево 4-м человеком по 2 чарки вина, по крушке пива на день» [12, стб. 845–846].

Письмо Вимины к Нани подтверждает, что венецианец оценил по достоинству отношение к нему псковских властей, — Ладога и Псков в тексте венецианского дипломата связаны понятиями «великодушие» и «щедрость»: «Этим главным воеводой, который называется тут «князем» (по-видимому, княжеский титул был ошибочно воспринят венецианцем как обозначение должности городского главы. — *Н.К.*), то есть государем, и который возглавляет город Псков, с еще большим великодушием было мне здесь подтверждено представление москвитов о щедрости, когда на следующий день после моего приезда мне были присланы через пристава завернутые в белую бумагу 140 копеек — серебряных монет, выпущенных на монетных дворах его величества, одна копейка может стоять примерно три венецианских сольдо, три ведра пива, две фляги меда — это напиток, который приготавливают из воды, яблок и хмеля, а также большую флягу с водкой — в таком же объеме эти два спиртных напитка будут нам доставлять каждые два дня до тех, пока мы должны будем здесь находиться» [14, р. 275]. Как видим, в описании щедрости псковского воеводы венецианским посланником не были обойдены поставляемые псковичами напитки — и в том числе и те самые «2 крушки меду на день» [12, стб. 846], которые полагались ему.

Отметим, что в своей «Реляции о Московии», рассказывая, как приготавливается квас, Вимины подчеркивал, что русские находят этот напиток приятным на вкус («Из напитков же более употребляется русскими *квас*, который они делают, положив в большое количество нагретой воды несколько ячменю: сей состав получает кислоту, приятную для их вкуса» [10, № 106, с. 225]), отмечал, что у простолюдинов нет особенной склонности к спиртным напиткам, за исключением праздничных дней, и указывал, что изготовление пива и водки из хлеба объединяет Россию с другими северными странами («Но пиво и мед не в большом употреблении у людей нижнего состояния, и притом только в знатнейшие праздники. В сии дни улицы бывают наполнены пьяными, возвращающимися из погребов, где продаются пиво и водка, делаемые из хлеба, подобно как и во всех северных странах» [10, № 106, с. 225–226]).

Таким образом, в обоих случаях Вимины не говорит о том, какое впечатление на него произвели русские напитки, с той разницей, что в письме к Нани такой хмельной напиток, как мед, упоминается

Виминой в связи с щедростью псковского воеводы, и отмечается лишь, из чего он делается, вкус не характеризуется вовсе, тогда как в «Реляции» упомянуты исключительно вкусовые предпочтения москвитов, в том числе и низших сословий.

Как проявление внимания со стороны псковского воеводы описано Виминой и то, что к нему была приставлена охрана («Кроме того, воевода не допустил, чтобы я остался без чести быть сопровождаемым солдатами, которые, впрочем, очень охотно дозволяют мне прогуливаться здесь, за городом, неподалеку от моего жилища» [14, р. 275]). Отметим, что псковские власти распорядились об охране Вимине (о чем сообщили царю: «для береженья велели у него быть стрелцом» [12, стб. 822]), по-видимому, на всякий случай — среди царских распоряжений, как мы помним, о выделении охраны не упоминалось.

Делясь своими приятнейшими впечатлениями от Пскова, Вимина характеризует «дары» псковского воеводы как «любезные» (но не характеризует вкус блюд), еду, которой угощают его соседи-европейцы, как «вкусную», климат Пскова — как «приятный», вспоминает оставшиеся позади тяготы путешествия — «дикие дороги», «полчища» мошкары, с которыми приходилось «сражаться», и летний зной, который, сменяя «суровость зимних морозов», не выдерживает сравнения даже со зноом итальянским: «Мое пребывание украшают не только приятный климат и любезные дары господина князя воеводы, а также близость домов немцев и шведов, которые предоставляют нам вкусную еду, но и то, что, наконец, мне удалось отдалиться от мошкары, которая мучила нас весь путь, пока мы следовали по диким дорогам, вплоть до того, что ночами напролет нам приходилось сражаться с целыми полчищами, которые не давали нам покоя. Кому-то такой рассказ может показаться смешным, но, вне сомнения, не тому, кто испытал на себе такую жару, какую мне не приходилось встречать ни в Риме, ни в Неаполе в самые знойные дни. Ваше Превосходительство поверит, что это возможно, если здесь мне говорят, что за два месяца сажают и выращивают дыни, поскольку суровость зимних морозов возмещается здесь летним зноом» [14, р. 275].

Эту особенность русского климата Вимина противопоставляет отсутствию каких-либо фруктов и небольшому числу овощей (Нани мог бы сделать логический вывод о том, что жаркое лето позволяет

их выращивать): «Однако, речь о дынях не должна вводить в заблуждение Ваше превосходительство, будто здесь можно найти в изобилии другие фрукты или овощи, поскольку все овощи здесь — капуста, огурцы, лук и чеснок, поскольку до сих пор не пришлось мне увидеть фруктовый сад, где росли бы черешни, сливы или хоть какие-нибудь груши. И подобно тому, как нет здесь такого рода вещей в удовольствии, так и люди здесь полностью лишены любопытства, и потому новостей мало, и те — все о военных успехах великого князя, который, вне всякого сомнения, беспрестанно занят всем тем, что в какой-либо мере может содействовать успеху его оружия» [14, р. 275].

Схожую жалобу на мух и на неожиданную для итальянцев летнюю жару, влияющую на быстроту созревания фруктов, находим в «Реляции» Вимины: «Лето здесь гораздо неприятнее зимы, потому что во время сильных, хотя и непродолжительных жаров, не так легко избежать зноя, надевая легкое платье, или удаляясь под тень деревьев, как защититься от холода в шубе или возле огня. Другая неприятность летом происходит от мух, особенно поблизости лесов и стоячих вод; и там, не только днем, но и ночью нужно бывает переносить зной жаров и докучливое беспокойство от мух разного рода. Что солнце сильно действует на растения, тому явным доказательством служит скорость, с какою они созревают, хотя почти кажется, что здесь одна крайность заменяется другою; что зима продолжается во все весеннее время, и что с началом осени встречаешь начало зимних дней» [10, № 105, с. 24–25]. Здесь же, жалуясь на недостаток зелени и овощей, Вимины упрекает в бездействии местных жителей, не использующих плодородие своей земли и довольствующихся самой простой пищей, включая овощи и фрукты: «Но сколь велико изобилие разного рода хлеба, доставляющего им пищу и питье, делаемое жителями из оногo, как то: пиво и водка, столь же чувствителен недостаток в тех сортах зелени и овощей, кои требуют особенного попечения в огородах и точности в разведении оных. Но они не заботятся иметь другие огородные произрастения, кроме качанной капусты, довольно большого количества огурцов, употребляемых в пищу, пока они еще свежи, а потом сохраняемых целый год солеными; также чесноку, луку и репы, а в некоторых местах даже и дыней, салат же, цветы и благовонные травы неизвестны жителям, по мнению коих, сырая трава годится для скота, а не для людей. Овощей также не случилось мне видеть

у них другого рода, кроме диких грушей, яблок и каких-то вишней, называемых в Риме *visciolette*» [10, № 105, с. 19–20].

Невнимание к разведению плодовых деревьев Вими́на объясняет неумением их прививать и невозможностью научиться этому у кого-либо, как и отсутствием самих прививок: «Может быть, они и не чуждались бы заниматься разведением дерев, если бы им было у кого научиться прививать и если бы им в удобное время были доставляемы разных родов прививки, кои им здесь совершенно неизвестны» [10, № 105, с. 20–21]. Говорит он и о том, что недостаток этот компенсируется обилием мяса домашнего скота, сливочного масла и меда («Но сей недостаток щедро, без сомнения, вознаграждается великим изобилием жирного мяса, меду, масла; ибо они имеют невероятное множество скота, овец, коз и коров, тем более, что здесь нет обыкновения убивать телят, и потому стада увеличиваются по желанию хозяина и по обширности клево́в; везде же для их паствы зеленеют обширные, тучные луга» [10, № 105, с. 21], а также дичи («Изобилие съестных припасов значительно увеличивается множеством разного рода птиц и дичи, гусей, уток, кур, тетеревей, рябчиков, зайцев и других животных, покупаемых за самую дешевую цену» [10, № 105, с. 22], отмечая и такую особенность, как использование лошадей в сельском хозяйстве, а не волов, как то принято в Италии: «Лошадей здесь такое множество, что трудно найти их, в подобном количестве, в другом государстве. Помощию их жители возделывают землю и исправляют все сельские работы, для чего обыкновенно в Италии и в других местах употребляются во́лы» [10, № 105, с. 21–22].

Как видим, в «Реляции» Вими́на позволяет себе дать оценку московитам, плодородие русской земли бездействию ее жителей, которые недостаточно интересуются разведением овощей и фруктов, что отличает их, по мнению Вими́ны, от европейцев, живущих в странах того же климатического пояса: «Можно сказать наверное, что если бы жители были столь промышленны, сколько земля их плодородна, то не имели бы недостатка в прекрасной зелени и овощах, подобно жителям Литвы, Швеции и других мест, лежащих на севере, коих климат не менее почитается суровым» [10, № 105, с. 19].

Этого не происходит в письме к Нани, где Вими́на избегает отрицательной оценки, давая по возможности беспристрастное описание

русских реалий, причем рассказ о нелюбопытстве местных жителей и отсутствии любых новостей, кроме военных, позволяет ему перейти к описанию военного времени (когда все мельницы работают на армию и продолжается набор в солдаты), назвать численность войска, охарактеризовать победы на фронте как колоссальные и прямо сказать о «мощи» русского царя, сравнив его с Ксерксом, демонстрируя Нани, что идея отправиться в Россию искать военной помощи верна: «Так, несколько недель пять мельниц здесь беспрестанно работали, как и в других местах империи, чтобы смолоть муку для сухарей, которые посылаются армии, дабы никогда солдат не оставался без хлеба и не страдал от голода, отчего могли бы стать меньше его силы и храбрость. Кроме того, идет и далее набор в солдаты, отправляемых на поля сражений: утверждают, что в целом же число войска — и тех, кто находится при его царском величестве, и тех, кто предназначен для отправления в другие места, вследствие чего некоторые полки были переформированы — возросло до 700.000¹⁹. Сделанное велико²⁰, и мне кажется, что вернулись века Ксеркса. Тем не менее мне представляется, что для мощи столь великого императора это все далеко нетрудно» [14, р. 275–276].

Находясь в Великом Новгороде, где Вимина был проездом с пятого [12, стб. 857] по шестое июля [12, стб. 858] (по старому стилю), он написал Нани 17 июля 1655 г. (по новому стилю): «Два дня как прибыл я из Плесковии (Псков. — *Н.К.*) в этот город, где жду своего отправления, приготовления к которому обычно бывают очень длительными. Завтра, однако, должно быть все готово к отъезду и путешествие мое продолжится в сторону Москвы (решение это, как мы помним, в дальнейшем было изменено. — *Н.К.*), добраться до которой обычно можно за десять дней» [14, р. 276].

¹⁹ «Общая численность русских войск без казачества составляла 200 тыс. Это было вдвое больше, чем в предыдущую войну. Кроме того, войско было лучше оснащено и обучено, а главное — дисциплинировано» [5, с. 449], тогда как у Польши «не было достаточно вооруженных сил из-за нетвердого финансового положения польской короны» [5, с. 449–450].

²⁰ Действительно, «с декабря 1654 г. по март 1655 г. была занята вся Белоруссия, а в марте–июле 1655 г. — собственно Литва» [5, с. 451], а «в конце июля головной отряд русских войск, в котором был царь, вступил в Вильно» [5, с. 451], затем были заняты Ковно, Гродно, Пинск и Брест [5, с. 451].

Встречать Вимины в Новгороде должны были соответственно принятому в России «посолскому обычаю»: распоряжения о торжественной встрече венецианского посланника на подъезде к городу, сопровождении его с необходимыми почестями по улицам города, подготовке жилья (сразу по получении известия о выезде Вимины из Пскова), содержании, аналогичном псковскому, и приказ отчитаться о приеме Вимины царю находим в царской грамоте, адресованной Новгородскому воеводе князю Ивану Андреевичу Голицыну и дьяку Василию Шпилкину.

Новгородским властям было предписано подготовить для Вимины жилье, обычно предназначаемое для иностранных представителей («изготовить дворы, где наперед сево стояли послы» [12, стб. 819]) сразу по получении известия о выезде его из Пскова, встретить венецианца на подъезде к городу, сопроводить его с необходимыми почестями по улицам Новгорода, обеспечить прием, аналогичный псковскому. Новгородцы отчитались о том, что точно следовали псковичам и в Новгороде, и отправляя Вимины в дорогу, снабдив всем необходимым на три недели вперед («дав им против их псковской отписке корм и питье, по псковской росписи, в Новгороде и в дорогу до твоего Государева стану, июля с 6 числа на три недели, и отпустили их из Новагорода к тебе В. Г-рю, Царю и В. Князю» [12, стб. 858]), уточнив, на какую сумму должны были давать «корму» венецианцам и какие напитки («посланнику Албердусу корму на три алтына, людем ево четьрем человеком по шти денег на день; питья посланнику: по четьре чарки вина, по три крушки пива, по две крушки меду на день, людем ево четьрем человеком по две чарки вина, по крушке пива на день» [12, стб. 858]).

Однако в письме Вимины к Нани о встрече в городе и приеме не сказано ни слова: Вимины подчеркивал, что теряет время в пути не по своей воле и что в ближайшее время — ровно через столько дней, сколько того требует путь, — сможет добраться до царя.

Тем временем Вимины рассказывал Нани о том, как он пытался получить полезные сведения («какие-либо новости») от шведского гонца, которого встретил, «когда перебрался через озеро Ильмень в деревне, где гребцы могли отдохнуть после того, как столько часов в поте лица сопротивлялись ярости ветра» [14, р. 276], но безуспешно: «из любопытства и желания услышать какие-либо новости я прого-

ворил с ним долго, однако мне не удалось узнать у него ничего, кроме того, что достаточно широко известно и повсюду у всех на устах» [14, р. 276]. Попытался Вимины узнать и о том, будет ли направлена к царю от шведского короля дипломатическая миссия, «однако тот ответил, что ему об этом ничего неизвестно», из чего Вимины сделал вывод, что «отправление посланника или посла, о котором шла речь, скорее всего ограничится этим отправлением гонца» [14, р. 276]. Однако из письма следует, что Вимине удалось увидеть грамоту шведского короля к царю Алексею Михайловичу, скорее всего, только в свернутом виде, т. е., говоря современным языком, Вимины увидел обозначение адресата на конверте, что на русском деловом языке того времени называлось «подпись». Как пишет Вимины, «она была сделана на шведском, но он не счел за труд перевести мне ее на немецкий, дабы удовлетворить мое любопытство» [14, р. 276], после чего Вимины переписал ее и отправил²¹ Нани вместе с рассматриваемым письмом. Вимины обратил внимание Нани на то, что «подпись» «очень подробна: содержит множество титулов его величества, с добавлением тех, что он присвоил себе после отвоевания тех земель, что были утеряны его предками, а также новых благодаря нынешнему завоеванию многих мест в Литве» [14, р. 276].

Завершил свое письмо из Новгорода Вимины рассказом о победах русского оружия, полученным от новгородского переводчика: «Сегодня узнал я от переводчика здешнего воеводы о разгроме поляков, окруженных войском его царского величества, который движется в сторону Польши с огромным успехом. К тому же, он добавил, что Вильна остается под натиском трех войск, каждое из которых насчитывает 50000 солдат, и продолжают надеяться на победу, полагая, что голод сможет победить этот густонаселенный город не меньше, чем оружие московитов» [14, р. 276], указывая на многочисленность русского войска, в котором задействована большая часть населения, что определенным образом подтверждает верность идеи Вимины направиться в Россию.

Смоленск, о пребывании в котором Вимины рассказал Нани уже из Риги, был отвоеван Россией у Речи Посполитой менее чем за год до появления там венецианского дипломата. Тем не менее власти го-

²¹ Судьба документа неизвестна.

рода должны были организовать прием иностранного гостя в соответствии с его рангом, т. е. на том же уровне, что и в тыловом Пскове.

В Смоленск поступили распоряжения царя о том, чтобы Вимине было подготовлено жилье («И как к вам ся наша грамота придет, и вы б посланнику велели изготовить двор, где ему стоять» [12, стб. 836]), дано распоряжение разрешить ему въезжать в город, как только пристав сообщит, что венецианская миссия находится неподалеку от города, на торжественной встрече было приказано быть, как полагается, «ратным и посацким людем», которые на этот раз должны быть не только «в чистом платье», но и «с ружьем» для того, «чтоб было везде людно и стройно, по посольскому обычаю, чтоб безлюдством не оказатца» по пути проезда дипломатической миссии [12, стб. 836]; требовался все тот же «в почесть корм и питье» в день приезда [12, стб. 836], обеспечение приставом, охраной, а также деньгами, едой и напитками — в последнем воеводе полагалось следовать «росписи» из Пскова: «велел у него быть приставу и караульщиком стрелцом, сколким человеком пригож, и наше жалованье, корм и питье, велел ему давать по росписи, какова дана изо Пскова приставу» [12, стб. 836], где «сколким человеком пригож» предполагает такое количество персонала, которое позволяет обеспечить надежную охрану Вимины. Кроме того, было специально уточнено, что должны исполняться и просьбы Вимины: «А будет чево посланник попросит и в запрос, и вы б ему давать велели» [12, стб. 836–837].

В другой царской грамоте содержалось точное указание, каким путем Вимина должен был выехать из города — почести при выезде должны были быть под стать почестям при въезде: «а как из Смоленска отпустите, и велели ево вести в Днепровые ж ворота, и чтоб было по тому ж, как ево приняла в Смоленск, людно и стройно, по посольскому обычаю» [12, стб. 865].

Из грамоты смоленского воеводы, князя Ивана Никитича Хованского к царю Алексею Михайловичу следует, что, готовясь к первому приезду Вимины в Смоленск, при выборе дома для венецианского посланника смоленские власти стремились учесть полученные царские указания: «И в нынешнем, Государь, во 163-м году июля в 28 день, к вечеру, писал к нам холопом твоим пристав с отхожева стану, что посланник пришел за пять верст от Смоленска, и мы, холопи твои, июля в 29 день, по твоему Государеву указу, велели ему быть в го-

род, и в городе велели ему очистить двор блиско Днепровских ворот, в седмом дворе от ворот, потому что у нас холопей твоих в городе малолюдство, а тут, Государь, живет всягда людно» [12, стб. 863]. Как мы помним, в царской грамоте, на которую ссылался князь Хованский, распоряжение «чтоб было везде людно и стройно, по посолскому обычаю, чтоб безлюдством не оказатца» относилось к проезду из пригорода Смоленска Вимины до предназначенного ему жилья в городе: «а которыми месты итить к Смоленску, и вы б в тех местех, и до двора, где ему стоять, велели быть всяким нашим ратным и посацким людем с ружьем и в чистом платье, чтоб было везде людно и стройно, по посольскому обычаю, чтоб безлюдством не оказатца» [12, стб. 836]. Это царское распоряжение было выполнено, несмотря на бремя войны: «а на встрече велели быть дворяном, и детем боярским и шляхтом, которые оставлены в Смоленску для старости и увечья, а головам, и вотником стрелецким с стрелцами и салдатцкого строю начальным людем с салдаты, и мещаном, и пушкарем и всяким людем велели быть на стойке по посолскому обычаю, от посолского двора и по Днепровскому мости, а приставу у него велели быть сотнику Московских стрелцов Алексею Лужину, и поставили ево на дворе, а на ево дворе поставили на карауле десять человек стрелцов» [12, стб. 863]. По-видимому, смоленские власти постарались «безлюдством не оказатца» [12, стб. 836], выбирая район города, «где живет всегда людно» [12, стб. 863]. Напомним, что смоленский воевода действовал в городе, пережившем за год до этого трехмесячную осаду.

В своем отчете перед царем князь Иван Никитич Хованский подчеркнул, какие трудности пришлось преодолевать при приеме Вимины, описывая и княжеское угощение в день приезда Вимины, и его ежедневное содержание с учетом дороговизны: «И я, холоп твой, Ивашка, по твоему Государеву указу, послал ему от себя корму: быка, да борана, четыре полтя ветчины, куря индейская, два пуда масла коровья, да питья: два ведра вина, ведро романей, пять ведр меду, шесть ведр пива; а твоево Государева жалованья корму ему давано во Пскове и в Великом Новгороде по три алтына на день, а людем по алтыну человеку; а мы, холопи твои, твоево Государева жалованья, корму, ему даем с прибавкою, потому что у нас, холопей твоих, харч дорогой: посланнику по гривне на день, да питья — по четыре чарки вина, по три крушки пива, по две крушки меду на день, да людем его четырем

человеком — по два гроша на день человеку, по две чарки вина, по две крушки пива человеку на день, и велели ему быть в Смоленске до твоего Государева указу» [12, стб. 863–864].

Был обеспечен не только торжественный въезд, но и торжественный выезд Вимины, как указал царь: сообщая о том, что посланник выехал из Смоленска 8 сентября, получив необходимое содержание на дорогу («дав ему твое государево жалованья в дорогу, корм на три недели, посланнику по гривне на день, а людем его по осми денег человеку на день, да питья против поденнаго корму» [12, стб. 888]), смоленский воевода процитировал полученную царскую грамоту, где говорилось о том, с какими почестями Вимины должен был выехать из Смоленска «со псковским приставом, в Днепровские ворота, по тому ж, как ево принели, людно и стройно, по посолскому обычею» [12, стб. 886].

Было выполнено и другое распоряжение царя — через пристава Алексея Лужина получить в частной беседе с Виминой информацию, необходимую для подготовки переговоров до приезда венецианца в царскую ставку («Да о том бы есте о всем к нам В. Г-рю отписали тотчас, чтоб за долго поспеть до посланникова приезду к нам на стан» [12, стб. 866]: «А покаместа посланник в Смоленске у вас будет, и вы б велели ево спросить пристава Алексею Лужину, бутто от себя в розговорех, а не от вас: от ково он к нам В. Г-рю послан? и кто у их князь именем, или Статы? и как они пишутца в своих титлах в грамотах в иные государства? да и грамоты б посмотреть на подписи, как к нам В. Г-рю подписана, и как он подаст нам В. Г-рю грамоту, естли с ним словесной приказ? и в ответе ему быть ли? или с ним о всем писано в грамоте, а в ответе ему не быть» [12, стб. 865–866]. Пристав Алексей Лужин сумел получить все необходимые ответы, которые были направлены царю [12, стб. 889–891].

Во второй приезд Вимины в Смоленск было получено царское распоряжение подготовить для него жилье и обеспечить его стрелецкой охраной и тем же содержанием, что и в первый приезд, поменяв, однако, пристава: «И как к вам ся наша грамота придет, а винецкой посланник из Шклова в Смоленск придет, и вы б велели винецкой посланника поставить на дворе и пристава у него быти, кому пригож, опричь прежнего пристава Алексея Лужина, и наше жалованье, поденной корм и питье велели ему давать, и для береженья стрелцов к нему посылать по прежнему нашему указу» [12, стб. 892–893].

Когда 1 октября Вимина появился в Смоленске второй раз, царские распоряжения вновь были выполнены: «И по твоему Государеву <...> указу мы холопи твои того виницейского посланника в Смоленск принели Октября в 1 день». При выборе жилья действовал тот же критерий «людности» («поставили ево на дворе блиско Днепровских ворот, потому что тут живет людно» [12, стб. 898–899]), а также было обеспечено то же содержание и охрана, что и в первый приезд венецианца в город: «и твое государева жалованья, поденной корм и питье, велели ему давать против прежнего, и для береженья стрелцов к нему посылаем, по прежнему твоему государеву указу» [12, стб. 899], тогда как пристава назначили другого, как то указывал царь: «а в приставех у него велели быть сотнику московских стрелцов Борису Бобаеву» [12, стб. 899].

Несмотря на усилия, прилагаемые смоленскими властями в разоренном войной городе, Вимина, описывая в письме из Риги от 24 января 1656 г. (№ 32) свое пребывание в городе, не жалел мрачных красок. В первую очередь критике подверглось предоставленное ему жилье, а также ужасный климат: «В этом городе, как в первый, так и во второй раз, я был встречен за мостом через Днепр солдатами и дворянами края, которые препроводили меня в квартал, где мне было отведено жилье, которое в первый мой приезд было тесным и неудобным, а во второй — еще хуже: в комнате под землей, вокруг дома — одна грязь; сидел я в этих четырех стенах, откуда мне не позволяли выйти, чтобы немного пройтись, даже ненадолго, я был настолько подавлен этим бездействием, столь враждебным моей натуре, в этом, можно сказать, нездоровом воздухе, на берегах Днепра, где в то время всегда был туман, что заболел и едва не закончил здесь свое существование» [14, р. 277].

Для сравнения приведем отрывок из «Реляции» Вимины, где мы находим совсем иную характеристику российского климата: отметив, как мы видели выше, его своеобразие, Вимина признает, что жителям страны это идет на пользу («Но что климат сей здоров, сие можно заключить из высокого росту и сильного сложения жителей, имеющих хороший цвет лица и доживающих до самой глубокой старости; причем очень часто случается, что они не могут запомнить, когда у них свирепствовала язва» [10, № 105, с. 25]).

В своем письме к Нани Вимина подчеркнул, что нигде в городе не мог найти продукты, необходимые больному, и что лишь отъезд

из города спас его от неминуемой гибели: «После того, как прибыл великий князь и были выполнены распоряжения Вашего Превосходительства, о чем я напишу в следующих письмах после того, как его величество отбыл в Москву, уже на следующий день, 6 декабря, я тоже выехал из города — на санях, с неспадающей температурой и в полном отчаянии, поскольку в городе нельзя было найти ни курицу, ни яйцо, ни какую другую пищу, дающую силу больному. Но Всевышнему было угодно вновь даровать мне здоровье: после того, как я целыми днями задыхался из-за слишком жаркой печи, вырваться на воздух, пусть и ледяной, и передвигаться на санях оказалось для меня полезным <...> и с каждым днем я чувствовал себя все лучше и лучше» [14, р. 277–278]. Напомним, что стол, который по царскому распоряжению должен был быть предоставлен Вимине, включал ежедневно и куриное мясо (2 курицы), и яйца (20 штук) («по хлебу, да по колачу двуденежных, по гусю, по 2 куров, по части говядины или боранины, по части свинины или ветчины, по 20 яиц, по 2 гривенки масла коровья, да питья — по 4 чарки вина двойного, по кружке романей, по 2 кружки меду паточного, по 2 кружки меду цеженого, по ведру пива доброго, на день» [12, стб. 899–900]).

Как видим, Вимина весьма лаконично описывает то, каким образом он был встречен в городе: он фиксирует сам факт, отмечая место встречи («за мостом через Днепр», как и велел царь), кто его приветствовал («солдаты и дворяне»), после чего сразу знакомит своего адресата с теми жилищными условиями, в которых он оказался и которые, наряду с плохим климатом и вынужденным бездействием, связанным как с ожиданием царя, так и с запретом выходить на прогулку, сыграли самую пагубную роль для его здоровья (если описываемое Виминой соответствует реальности, то можно предположить, что городские власти обеспечили иностранному дипломату, который должен вот-вот быть принят государем, «береженье» дома от какой-либо опасности под охраной из десяти стрельцов).

Когда Вимина находился в Смоленске во второй раз в ожидании царской аудиенции, царь счел нужным дать личное распоряжение о том, каким образом следует содержать его гостя, дворецкому и боярину Василию Васильевичу Бутурлину — видному дипломату, находившемуся с царем в походе и ведавшему Приказом Большого Дворца, т. е. хозяйственной частью: «Пожаловал Великий Государь <...>

Алексей Михайлович <...> виницейского посланника Албертуша Вимины, да людей ево четырех человек, велел им давати своего государева жалованья поденного корму и питья, Ноября с 11 числа до тех мест покаместа он у Государя побудет, посланнику: «по хлебу, да по колачу двуденежных, по гусю, по 2 куров, по части говядины или боранины, по части свинины или ветчины, по 20 яиц, по 2 гривенки масла коровья, да питья — по 4 чарки вина двойного, по кружке романеи, по 2 кружки меду паточного, по 2 кружки меду цеженого, по ведру пива доброго, на день; людем ево 4 человеком: по хлебу двуденежному человеку, да всем вопче по 3 части говядины, по три части свинины или ветчины, да им же питья — по три чарки вина простого, по кружке меду, по две кружки пива человеку на день» [12, стб. 899–900].

Подтверждение тому, что распоряжение было выполнено, находим в следующих документах Посольского приказа («написано в доклад» царю [12, стб. 910]), где сначала уточнено, как содержали Вимины смоленские власти начиная с первого приезда: «в Смоленске боярин и воеводы, князь Иван Никитич Хованской с товарищи, посланнику велели поденного корму давати с прибавкою по гривне, да питья — по 4 чарки вина, по 3 кружки пива, по 2 кружки меду на день» [12, стб. 910–911], а затем цитировался царский указ о поставке Вимине провизии «с Дворца», начиная с 11 ноября, т. е. в преддверии царской аудиенции: «А ныне по государеву указу Ноября с 11-го числа виницейскому посланнику велено давати государева жалованья, поденного корму и питья, с Дворца: посланнику — по хлебу, да по колачу двуденежных, по гусю, по 2 куров, по части говядины или боранины, по части свинины или ветчины, по 20 яиц, по 2 гривенки масла коровья; да питья — по 4 чарки вина двойного, по кружке романеи, по 2 кружки меду паточного, по 2 кружки меду цеженого, по ведру пива доброго, на день. Людем ево 4 человеком — по хлебу двуденежному человеку, да всем вопче по 3 части говядины, по три части свинины или ветчины; да питья — по 3 чарки вина простого, по 2 кружки меду, по 2 кружки пива человеку на день (сохранена орфография источника. — Н.К.)» [12, стб. 911].

Особенное меню предполагалось отправить Вимине в те дни, когда он побывает у царя на первой («приезд») и последней («отпуск») аудиенции: «А как посланник будет у Государя на дворе, на приезде и на отпуске, и к нему послать в стола место корму и питья: колач кру-

пичет в две лопатки, 4 ествы хлебных, гусь, утка, баран живой, 3 куров, часть стяга говядины, 30 яиц, 3 гривенки масла коровья; питья — кружку вина двойного, кружку ренского, кружку ромanei, 2 крушки меду вишневаго, 2 крушки меду малинового, четь ведра меду обарного, ведро меду паточного, ведро меду цеженого, ведро пива доброго; людем ево, 4 человеком, корм и питье дать с поденным вдвое» [12, стб. 900], указывалось, каким образом посылать напитки: «Питье посылать в готовых судех» [12, стб. 900].

Таким образом, было решено принимать Вимины подобно тому, как было принято официальное лицо от шведского короля в 1647 г.: «Во всем против свейского переводчика Ягана Роселина велено давать государева жалованье корм и питье» [12, стб. 900] (отметим, что в ратификации Шведской Королевы Христиной на Столбовский мирный договор и на все учиненные по оному межевые и прочие записи» от 17 июня 1647 г. [13, стб. 226–231] Яган Роселин, побывавший в 1644 г. у царя Михаила Федоровича от королевы Кристины Шведской, представлен как «гонец» [13, стб. 228]).

Из следующего письма Вимины к Б. Нани (также от 24 января 1656 г., № 33) следует, что во время его второго пребывания в Смоленске, когда должна была состояться аудиенция у царя, к нему отнеслись чрезвычайно внимательно.

О болезни Вимины царю было сообщено, как только Алексей Михайлович прибыл в город: «Великий князь прибыл в Смоленск 21 ноября. На следующий день пришел мой смоленский пристав и сказал, что сообщил его величеству о моей болезни и что его величество посочувствовал мне и пожелал скорейшего выздоровления» [14, р. 278].

Пристав поинтересовался, позволит ли Вимине его «слабость предстать перед светлейшими очами его величества и устно изложить все то, что было ему поручено» [14, р. 278], Вимина ответил: «Лихорадка продолжает мучить меня так, что мне с трудом удастся встать с постели, когда мне то нужно, и поэтому я полагаю, что никак не смогу быть, сколь бы ни была высока эта честь для меня. Тогда он сказал: “Думаю, что Вы могли бы передать Вашу верительную грамоту и письменно изложить то, что было поручено Вам дожем: государь то позволит”. Я ответил, что писать о порученном у нас не принято, что я надеюсь в скором времени прийти в себя и лично сообщить необходимое его величеству. С этими словами пристав ушел и вернулся на

следующий день, он передал мне наилучшие пожелания от лица своего государя и сказал, что, поскольку я не могу явиться на аудиенцию лично, его величество решил посмотреть мою верительную грамоту и отправить ко мне вице-канцлера, который выслушает меня, и спросил меня, не желаю ли я доверить ему послание от дожа, адресованное его величеству. «Если таково желание его величества, — ответил я, — я рад буду удовольствоваться этим» и с этими словами передал ему послание дожа вместе с золотой тканью, которая пришлась его величеству столь по вкусу, что в ту же ночь он отправил ее в подарок великой княгине» [14, р. 278].

Вимина отмечает, что, как только царю было передано послание дожа, ему были оказаны особенные знаки царского внимания: «Вечером того же дня, когда было получено послание, в сумерках пришел дворянин его величества, принес несколько блюд с уже приготовленной едой и много больших кувшинов из серебра с позолотой, в которых были различные напитки — вино, пиво, мед, водка, и сообщил, что его величество жалует меня таким образом и что теперь каждый день мне будут приносить напитки и сырые продукты, дабы я мог их приправить на свой вкус. Я поблагодарил его величество в словах, свидетельствовавших о том, как высоко ценю я эту милость» [14, р. 278].

Как пишет Вимина, уже «на следующий день прибыл вице-канцлер с двумя секретарями и поприветствовав меня от лица его величества, сказал, что бумаги от моего государя были прочитаны и полномочия, возложенные на меня в верительной грамоте, были приняты к сведению, а потому я могу рассказать ему обо всем, о чем следует, с тем, чтобы он самым верным образом передал это своему государю, который доверил ему это поручение, как уже известно мне от пристава» [14, р. 278].

Подробно описав следовавшие затем переговоры с Томило Перфирьевым [14, р. 278–280], Вимина пишет о том, что ему «пришлось ждать ответа два дня — первый день, потому что великий князь должен был принять шведского посланника, прибывшего сюда и заболевшего в тот же день, что и я, второй — потому что был большой праздник у московитов, и весь день царя был занят молитвами. Однако в тот же вечер прибыл вице-канцлер и с ним еще некоторые господа, вслед за ними множество людей несло в золотых сосудах различные

напитки. Вице-канцлер сказал, что его государь, дабы посвятить себя празднованию великого праздника, пожелал в этот день воздержаться от каких-либо дел, но что на следующей день будут даны ответы, которых я жду, пока же его величество желает, дабы я выпил за его здоровье; и, достав лист бумаги, зачитал мне о взятии в Подолии четырех слабейших крепостей и о бегстве поляков, побитых московитским генералом его царского величества» [14, р. 280].

Ответы, обещанные Перфирьевым, действительно были получены Виминой на следующий день, 28 ноября, когда после обеда «прибыл вице-канцлер в сопровождении двух секретарей и, развернув лист бумаги, прочитал... ответы» [14, р. 280]. Однако они показались Вимине «краткими и общими» [14, р. 281], вследствие чего вечером того же дня он попытался выяснить перспективы российско-венецианских отношений через переводчика (письмо от 24 января № 34 [14, р. 281–282]), которого представил Нани самым лестным образом и который заверил Вимиину в том, что предложение Венеции о военном союзе против турок не может быть принято сейчас, однако оно в интересах всей Московии и не может не интересовать царя в перспективе: «Вечером того же дня, 28 ноября, увидевшись с переводчиком его величества, как то было у нас заведено, — человеком, безусловно, порядочным, чьи заслуги достойны соответствующего признания государством, я решил сказать ему, что не до конца удовлетворен столь кратким и общим ответом. Однако он ответил мне: “Мне не кажется, что ответ этот так уж далек от того, что Вы ждали, ведь великий князь сказал о том, что сейчас не может прийти вам на помощь в решении ваших дел в силу нынешних своих дел и что со временем придет в Венецию посланника, дабы заверить Светлейшую республику в своих намерениях”. “И, безусловно, — добавил он, — это Ваше предложение было бы более чем заманчивым, будь оно сделано в других политических условиях. Чего желает больше всего вся Московия, что одобрит и дворянин, и смерд, как не военную кампанию против татар, от которых столь часто терпим мы урон, да и его величеству не составило бы труда двинуться на их юрты, поскольку они, вооруженные луками и саблями, не смогли бы оказать никакого сопротивления московитам, вооруженным копьями и аркебузами”» [14, р. 281].

Вимина не преминул поинтересоваться у переводчика о том, что написано в грамоте, привезенной шведским посланником. Перевод-

чик пообещал ему узнать об этом и, придя к Вимине вечером следующего дня, рассказал, в частности, что «послание короля Швеции его величеству содержало не только поздравление с новыми большими успехами царского оружия, но и пожелание, чтобы его величество более осторожно выбирал цели для своих будущих побед» [14, р. 282], после чего и попросил Вимины подписать ту самую челобитную, которую, как настаивает Вимина, сам он не писал. Переводчик, пишет Вимина, «достал из своей сумки бумагу с записью, сделанной его рукой, и сказал мне, что вице-канцлер желает, дабы я переписал сие и поставил свою подпись. Речь шла о том, что я просил его величество об аудиенции через его министров, что не было правдой, однако я выполнил мне сказанное» [14, р. 282]. Свое решение Вимина мотивирует желанием не навредить делу, сохранив добрые отношения с москвитями: «Поскольку к переговорам это отношения не имело, а отказать могло означать привести в недоброе расположение эти варварские души, которые намного выгоднее иметь в добром расположении к нам, я без какого-либо труда выполнил эту просьбу, отдав таким образом дань их высокомерному пышному ритуалу» [14, р. 282].

Что же касается письменного ответа царя на предложение Венеции, то царскую грамоту дожу Франческо Молину вместе с переводом на итальянский, выполненным по ходатайству Вимины, дьяк Томило Перфирьев передал венецианцу через неделю, о чем Вимина пишет в своем последнем письме из Риги от 24 января 1656 г. (№ 35): «4 декабря 1655 г. пришел вице-канцлер с письменным ответом от великого князя, запечатанным и внутри с переводом на итальянский язык, о чем я просил устно» [14, р. 282] — из описания беловика царской грамоты, сохранившегося в России, известно, что царская грамота была «послана в тафте червчатой» (красной) [12, стб. 925]. Как пишет Вимина, дьяк Перфирьев «отдал ее мне, передав мне приветствие от лица его величества, добавил, что царское величество жалует мне шесть связок шкурок соболя, то есть 120 пар, и, сказав подобающие случаю любезности, пожелал мне доброго здравия, счастливого пути и попрощался» [14, р. 282].

Прием иностранного посланника — если верить Вимине, подарок его, как мы помним, царь оценил по достоинству и даже отправил супруге [14, р. 278] — действительно предполагал преподнесение даров от лица царя — соболей, стоимость которых зависела от роли

в дипломатической миссии, к которым добавлялись соболи на сумму, равную той, на которую были оценены дары, преподнесенные посланником царю [11, с. 89], «в дорогу корм и питье, и подводы» [11, с. 89] также предоставлялись посланнику царем.

Когда в преддверии отъезда Вимины решался вопрос о подарке для него, был написан специальный доклад, где говорилось о том, что преподнес Вимины царю в дар от Венецианской республики: «И посланник Албертус Государю челом ударил аксамит, мерою 13 аршин без 5 вершков» [12, стб. 900]; сообщено, что Вимины «у Государя у руки на приезде и на отпуске за болезнью не был» [12, стб. 900] и был задан вопрос как об ответном подарке, так и о подарке, который был бы преподнесен «на отпуске» в любом случае: «А что ему на отпуске и за аксамит государева жалованья дати, и о том В. Г-рь <...> как укажет?» [12, стб. 909]. После чего было «выписано на пример», какие царские дары получили иностранные посланники (три датских и один английский), побывавшие при царском дворе при царе Михаиле Федоровиче (первый датский) и Алексее Михайловиче [12, стб. 909–910]. Данная царем резолюция гласила: «164-го Ноября в 20 день Государь пожаловал, велел дать свое государево жалованье на отпуске посланнику два сорока соболей, ценою на сто рублей, да за оксамит на чetyреста рублей; племеннику ево пара соболей в пять рублей да пара в чetyре рубли; людем — одному пара два рубли с политною, двем — по паре, по два рубли пара» [12, стб. 910].

Одним царским указом предписывалось «дати государева жалованья виницейскому посланнику Албертусу Вилиму поденного корму в дорогу, Ноября с 24 числа на три недели, по пяти алтын на день, да людем ево чetyрем человеком по осми денег на день человеку» [12, стб. 912], другим — оговаривалось не только количество подвод, но и тип саней: «сделать посланнику сани с кровлею бочком и дать ему в те сани две подводы, да людем ево, и под рухлядь и под питье пять подвод, да приставу ево подводу, все те подводы дать с санми и с проводники» [12, стб. 912].

В своем письме Вимины счел нужным охарактеризовать уровень приема в целом («Не только в этих царских дарах заключалась щедрость этого государя» [14, р. 283]), отметив обеспечение бесплатным транспортом («поскольку, уже начиная с Пскова, мне были даны необходимые для передвижения средства, и всюду меня возили и пере-

возили совершенно бесплатно, если, конечно, не считать те чаевые, которые принято давать кучерам и солдатам, меня сопровождавшим» [14, р. 283]), щедрый и вкусный стол — и при этом отдельно даваемые ему деньги на еду («Да и в том, что касается провизии, со мной всегда обращались великолепно: предоставляли мне напитки — пиво, мед и водку, хотя знающие министры говорили, что не самого лучшего вкуса и довольно мало; каждый день мне давали десять серебряных копеек на то, чтобы я каждый день покупал хлеб, и то, что полагается к нему, и 4 каждому слуге (одна такая копейка равна три венецианским сольдо) [14, р. 283]», а также подарки на въезде в Смоленск и денежное содержание («Кроме того, при въезде моем в Смоленск мне были подарены бык, две овцы, индюк, большая банка с маслом, два бочонка — один с пивом и один с медом, несколько графинов с вином и водкой, а также давали мне один талер каждый день на расходы» [14, р. 283]), отметив, что таким образом было проявлено уважение к нему («Может показаться, что все эти вещи не совсем достойны столь великого государя, но в Московии они тем не менее считаются большим знаком уважения» [14, р. 283]). Цель этого описания была указана Виминой следующим образом: «В сделанном мною описании я, возможно, был многословен, но я счел необходимым сообщить это Вашему Превосходительству как для того, чтобы Вам было ведомо, какие почести мне были оказаны, так и для того, чтобы в случае прибытия царского посланника Светлейшая республика, по своему усмотрению смогла ответить с должной щедростью» [14, р. 283].

Вимина отправил Нани копию итальянского перевода царской грамоты, прокомментировав и свое предложение о торговых отношениях, и ответ царя Алексея Михайловича, и заинтересованность последнего более в торговле с Венецией, нежели в военном союзе: «Отправляю Вашему Превосходительству копию письма, написанного рукой переводчика, который доверил мне его, прося меня сохранять секретность и полагаясь на мою честь, поскольку я везу оригинал. Я смею надеяться, что Ваше Превосходительство не будет неприятно удивлен многословием послания и тем, что в первую очередь написано о том, что я ходатайствовал о разрешении ввозить товары из Венето в Московию, сделано это было мною ради того, чтобы расположить душу его величества к переписке со Светлейшей республикой; также прошу Ваше Превосходительство не удивляться

сухости ответа. Однако великому князю — не знаю, считать ли его великим государем или великим купцом, — пришлось очень по вкусу рассуждение о повышении доходов, и он велел, чтобы было написано самым ясным образом о том, какую прибыль можно получить от этих переговоров, что и было сделано с присущей московитской риторике старомодностью» [14, р. 283].

Отметим, что в «Реляции» Вимины развитие торговли представлено как приоритет государственной политики русского самодержца — деятельного и не теряющего времени даром молодого государя, которого характеризует сочетание кротости с суровостью нрава, набожность, воздержанность в еде и пище, стремление ограничить время, обычно отводимое для сна: «С самого начала управления его Монархией можно заключить о его склонности — распространять, подобно отцу, торговлю и увеличивать количество золота, и о презрении всех забав молодости, исключая псовой и соколиной охоты, которую, однако ж, он занимается только для здоровья и отдыха после важных дел. А как отец его, довольно благочестивый, воспитал его очень рачительно в вере, то отсюда происходит, что он усердно упражняется в молитвах и с большою точностию соблюдает посты, которые у Греков очень часты и продолжительны. Нельзя заметить того, чтобы он очень предавался сну или излишнему употреблению пищи и напитков, и сказывают, что ночью спит он не более четырех или пяти часов, призывая иногда к себе Патриарха. Касательно его нрава, как уже мы заметили, он, подобно отцу, кроток и благочестив. Однако ж некоторые случаи обнаружили в нем свойства суровые. За некоторые и маловажные преступления определены строжайшие наказания, как то случилось с сыном Вольфанга Якоби, переводчика Шведского языка, которого по неосновательными подозрениям приказал он четвертовать. Другим примером служит один Немецкий Капитан, которого за то, что он осмелился просить позволения побывать в отечестве, с обещанием возвратиться в службу, приказал он сослать в Сибирь» [10, № 108, с. 92].

В заключение следует сказать, что письма к Нани были написаны Виминой как в ходе путешествия по России, так и сразу по выезде за ее рубежи. Таким образом, лишь в двух случаях — в письмах из Пскова и Новгорода — зафиксированы события текущего или только что прошедшего момента, тогда как пребывание в Смоленске, включаю-

щее кульминацию визита (переговоры с Перфирьевым), описано, следует полагать, по памяти (нам неизвестно, делал ли Вимина для себя какие-то записи в России с тем, чтобы рассказать обо всем позднее). Возможно, конечно, Вимина говорил правду, объясняя Нани свое молчание не только бесконечными странствиями, но и спецификой российских реалий, где нет почтового сообщения, однако следует обратить внимание то, что, по сути, четыре заключительных письма к Нани представляют собой четыре части одного рассказа о пребывании в Смоленске. В конечном счете это рассказ о неудачном завершении миссии, в успехе которой Вимина уверял Светлейшую республику, однако выбранная венецианцем композиция позволяет ему сначала, в первом письме, описать тяжелейшую ситуацию, в которых переговоры все-таки были им проведены (смертельно опасная болезнь в самых неподходящих жилищных условиях и при отсутствии необходимых для больного продуктов питания); во втором — передать ход переговоров и устный ответ от царя, который не мог удовлетворить венецианского дожа и Сенат; в третьем — пересказать беседу с переводчиком Посольского приказа, открывающую перспективу, закрытую переговорами; в четвертом — рассказать о письменном ответе царя, царских дарах в завершение визита и в целом охарактеризовать уровень приема в России как удовлетворивший его, т. е. соответствующий его рангу, что должно было быть учтено в Венеции в случае визита российских послов. В результате отчет о том, что главная цель визита достигнута не была, дает основание не только предполагать в дальнейшем развитие отношений с Россией в интересующем Венецию русле (хотя царь занят сейчас войной на западном направлении, угроза, исходящая с юга, от крымского ханства, остается актуальной), но и говорит о возможности установления отношений торговых (царь Алексей Михайлович — «великий купец» — чрезвычайно в них заинтересован — следует из слов Вимины), вплоть до ожидания российской миссии в ближайшее время, как то и было обещано царем, — обещано, следует полагать, еще и потому, что Вимина сумел заинтересовать российскую сторону этой перспективой, затронув вопрос торговли в первую очередь.

Работа Вимины над материалом, предоставляемым Нани, видна и в том, что Вимина передает содержание различного рода официальных и неофициальных встреч достаточно выборочно: он подробно излагает ход своих переговоров с Перфирьевым, что входит в его обязанности,

а также сказанное шведским гонцом на Ильмень-озере и российским переводчиком в Смоленске, поскольку речь идет о внешнеполитических делах, интересующих Нани, и вместе с тем это позволяет Вимине продемонстрировать, что он занят необходимой Венеции работой и в ходе затянувшегося путешествия, и в момент неудачи переговоров. С другой стороны, он пересказывает вопросы, которые были заданы ему в Ладогe, но не свои ответы на них, просто охарактеризовав их как позволившие ему получить разрешение на дальнейший проезд, тогда как о беседе с приставом Алексеем Лужиным в Смоленске не говорит вовсе.

В свою очередь, жалобы на встреченные Виминой бытовые трудности (тесное и душное жилье в Смоленске) и особенности климата (жара и мошкара летом, туманы ранней осенью), как и в целом некоторые замечания о России и ее культуре, следует, на наш взгляд, рассматривать не только как документальное свидетельство, но и как создание необходимого для венецианского дипломата контекста. Не будем забывать, что Вимина не сумел лично явиться на переговоры к царю, и живописание его тяжелейшей болезни, вызванной, как следует из его отчета, нездоровым смоленским воздухом, тесным и душным жильем, слишком сильно отапливавшимся, призвано снять ответственность с венецианского посланника (отметим, что шведский гонец, заболевший одновременно с ним, у царя все же побывал [14, р. 277–278]). Этой же цели служит и характеристика царя Алексея Михайловича как «великого купца» — так, хотя бы отчасти, объясняется, почему главная цель миссии — создание военной коалиции с Россией — не была достигнута и переговоры замкнулись на теме торговли. Определение русского церемониала как пустой помпы и упоминание «варварских душ» москвитов видимо, призвано было оправдать, по мысли Вимины, то, что он, будучи на службе у Венеции, подписал документ, составленный царским сотрудником от имени его — Вимины, причем постфактум — уже после того, как переговоры, о которых он якобы ходатайствовал, были проведены.

Таким образом, и оценка различных лиц (от царя до переводчика), и происходящих событий (успехи русского оружия), и различные сведения о России, ее климате и бытовой культуре имеют нейтральную, положительную или отрицательную коннотацию в зависимости от того, в каком контексте используются Виминой и с какой коммуникативной задачей.

Письма Вимины, на первый взгляд представляющие собой непосредственный рассказ о происходящем с ним в России венецианскому послу в Вене, по своему жанру могут быть охарактеризованы как отчет дипломатического лица перед вышестоящим о совершаемом дипломатическом визите, где любое упоминание России и русской культуры в той или иной мере работает на решаемую Виминой коммуникативную задачу. Данные задачи возникают из необходимости либо по возможности объективно описать ход дипломатической миссии, чего требует прагматика внешнеполитических связей, либо зафиксировать выполнение своего долга в тех пределах, в каких то было возможно, демонстрируя свою лояльность и объясняя все то, что может вызвать вопросы и критику в Венеции. В этом — отличие писем Вимины к Нани от его же «Реляции о Московии», претендовавшей как жанр на специальное, подробное и объективное описание малознакомой венецианцам страны. Основная коммуникативная задача этих посланий — подробно описав сделанное, представив все детали, доказать, что Светлейшая республика по праву доверила эту миссию Вимине, который, выступив в свое время с идеей обратиться за помощью к России, сделал все возможное для осуществления ее в труднейших климатических и бытовых условиях, к которым присоединились неопределенность ожидания и тяготы, свойственные военному времени. Последние упомянуты и в отчетах царских властей, авторы которых, в свою очередь, ставили целью засвидетельствовать верную службу царю в любых условиях, чему не мешает даже нехватка провианта на территориях, где не так давно шли военные действия.

Отчет дипломата, как и отчет о приеме дипломата, — это текст, который существует в диалоге с адресатом и является не только репликой, ответом на предыдущий текст (письменный или устный), содержащий некие распоряжения или пожелания, но и риторическим средством, позволяющим автору отчета продемонстрировать адресату, как правило, вышестоящему, и свой профессионализм, и верность долгу. По своей жанровой природе дипломатический отчет предполагает сообщение о сделанном, а в случае неполной реализации задуманного — объяснение этого внешними факторами, как правило, форсмажорного характера. В рассмотренных нами русских и итальянских документах XVII в. прием венецианского дипломатического посланника в России получил различное освещение в зависимости от

того, какая коммуникативная задача была поставлена автором текста дипломатического отчета. Именно последняя, наряду с дипломатическим/речевым этикетом, организует структуру текста и определяет выбор речевых средств, в результате чего возникает описание той реальности, которая должна предстать перед адресатом отчета. Не следует забывать и о том, что авторы рассмотренных нами отчетов принадлежали к двум различным культурам, значительно различающимся и бытовыми традициями, которые в случае организации дипломатического приема и восприятия его принимаемой стороной играют значительную роль.

Вместе с тем в письмах Вимины отразился труд русского дипломатического ведомства. Визит венецианского дипломата в Россию, как мы видели, курировался царем лично: «честь», оказываемая Вимине, предполагала готовность России развивать дипломатические отношения с Венецией. Царские распоряжения местным властям следовали одно за другим, в ответ писались подробные отчеты о приеме венецианского посланника и об «отпуске» в следующий пункт назначения, царским сотрудникам приходилось догонять экипаж Вимины и передавать ему новый царский указ о том, куда теперь лежал его путь. Царские воеводы в своих отчетах постарались продемонстрировать, что распоряжения царя Алексея Михайловича были выполнены — большую их часть действительно удалось исполнить — и, добавим, достигли своей цели. Представителю Светлейшей республики было оказано должное внимание, что Вимина не мог не отметить в своих письмах, поскольку в его обязанности входило не только провести переговоры, но и определить уровень оказанного ему приема (вплоть до качества и количества вина, меда и водки в оценке собственной и знающих «министров»), означавшего готовность России развивать дипломатические отношения с Венецией, которая, в частности, из отчета своего посланника могла узнать о том, на каком уровне следует принимать российских послов в будущем.

Следует отдать должное уму и проницательности Вимины: венецианский дипломат не только отметил, что прием в России, оказавшийся столь сложным в военное время, был полностью за счет царской казны, но и сумел оценить оказанное ему внимание (стол, денежное содержание и т. д.) с учетом шкалы ценностей, принятой в допетровской России. Держа определенную дистанцию по отношению к Рос-

сии (царь и его воеводы предстают щедрыми — но в «московитском» понимании щедрости, военные успехи царя неоспоримы — но заслуживают сравнения не с греческими или римскими полководцами, а с Ксерксом) и различным аспектам русской жизни и культуры, ему или неизвестным, или достаточно далеким, если не чуждым, будь то ржаной хлеб, квас, российские садовые и овощные культуры, положительно характеризуя при этом еду живших по соседству европейцев, вероятно, более ему знакомую, Вимина тем не менее не позволяет себе, к примеру, критически описывать блюда неизвестной ему русской кухни не только потому, что они пришлись ему по вкусу, но и потому, что сумел увидеть и оценить то, что для него были выбраны напитки и приготовлены яства, подходящие его статусу: стол, предоставляемый иностранному посланнику, должен соответствовать уровню, на котором его принимают, а Вимина обязан был точно отразить в своем отчете, достаточно ли почтение было ему оказано.

Тексты, в которых мы видим Россию эпохи царя Алексея Михайловича глазами и самого царя, и его преданных сотрудников, и скитающегося по неизвестным землям венецианского дипломата, объединяет описание трудной эпохи русско-польской войны и готовность русской стороны, несмотря на чрезвычайно сложные условия, встретить прибывшего из далекой Венеции Альберто Вимину самым достойным образом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Александренко В.Н.* Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов // *Варшавские университетские известия*. 1894. № 8. С. 1–29.
- 2 *Карданова Н.Б.* Верительная грамота венецианского дожа царю Алексею Михайловичу в контексте дипломатических переговоров // V Междунар. науч.-практ. конференция «Текст в системе обучения русскому языку и литературе». Астана, 14–15 июня 2013. Т. 2. С. 53–57.
- 3 *Карданова Н.Б.* Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык // *Герменевтика древнерусской литературы М.: Языки славянской культуры; Прогресс-Традиция*, 2004. Сб. 11 / отв. ред. М.Ю. Люстров. С. 828–868.
- 4 *Карданова Н.Б.* О некоторых особенностях коммуникации в ходе дипломатической миссии: переговоры 1655 г. в освещении дьяка Томило Перфирье-

- ва и венецианского посланника Альберто Вимины // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Высшая школа перевода. III Междунар. науч.-практ. форум. Языки. Культура. Перевод. 19–25 июня 2015 г. Материалы [электронное издание]. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. С. 135–148. URL: http://www.esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/lct15.pdf (дата обращения: 15.05.2022).
- 5 Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М.: МО, 1992. Вып. 1. С. 202–207.
 - 6 Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. 219 с.
 - 7 Шаркова И.С. Россия Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. / под ред. чл.-корр. АН СССР В.И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1981. 210 с.
 - 8 Giraud G. Venezia e la Russia, 1472–1797: trionfi e tramonti a confronto // Volti dell’Impero Russo. Milano: Electa, 1991. P. 53–62.
 - 9 Longworth Ph. Russian–Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // The Slavonic and East European Review. July 1986. Vol. 64, № 3. P. 380–400.

Источники

- 10 Известия о Московии, писанные Альбертом Вимена да Ченеда, в 1657 году // Отечественные записки. 1829. Ч. 37, № 105. С. 13–32; 1829. Ч. 37, № 106. С. 224–253; 1829. Ч. 37, № 107. С. 421–441; 1829. Ч. 37, № 108. С. 74–94.
- 11 Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича / подгот. публ., ввводн. ст., коммент. и словник Г.А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- 12 Памятники дипломатических сношений с папским двором и с италиянскими государствами. Т. 10: (С 1580 по 1699 год) // Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1871. 1859 стб.
- 13 Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И. В. канцелярии, 1830. Т. 1: С 1649 по 1675. 1029 с.
- 14 Saccato D. Alberto Vimina in Ucraina e nelle «parti settentrionali»: diplomazia e cultura nel Seicento veneto // Europa Orientalis. 1986. № 5. P. 233–283.
- 15 Relazione della Moscovia di Alberto Vimina 1657 / a cura di G. Berchet // Archivio Storico Italiano, nuova serie, vol. XIV, parte II. Milano: stabilimento Giuseppe Civelli, 1861, pp. 114–118 (in 4 foglio)

REFERENCES

- 1 Aleksandrenko, V.N. “Posol’skii tseremonial v XVIII veke i otnoshenie k nemu russkikh diplomatov” [“Diplomatic Protocol in the 18th Century and Russian Diplomats”]. *Varshavskie universitetskie izvestiia*, no. 8, 1894, pp. 1–29. (In Russian)
- 2 Kardanova, N.B. “Veritel’naia gramota venetsianskogo dozha tsariu Alekseiu Mikhailovichu v kontekste diplomaticheskikh peregovorov” [“Letter of Credence

- of Tsar Aleksei Mikhailovich in the Context of Diplomatic Negotiations”]. *V Mezhdunarodnaia nauchno–prakticheskaia konferentsiia ‘Tekst v sisteme obucheniiia russkomu iazyku i literature’* [5th International Scientific-practical Conference ‘Text in the System of Teaching the Russian Language and Literature’], vol. 2, Astana, June 14–15, 2013, pp. 53–57. (In Russian)
- 3 Kardanova, N.B. “Gramota tsaria Alekseia Mikhailovicha i sovremennyi ei perevod na ital’ianskii iazyk” [“Letter of Tsar Aleksei Mikhailovich and Translation in Italian”]. *Germenevika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], issue 11, ed. M.Ju Ljustrov. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ.; Progress-Traditsiia Publ., 2004, pp. 828–868. (In Russian)
 - 4 Kardanova, N.B. “O nekotorykh osobennostiakh kommunikatsii v khode diplomaticheskoi missii: peregovory 1655 g. v osvshchenii d’iaka Tomilo Perfireva i venetsianskogo poslannnika Al’berto Viminy” [“Communication in Diplomacy: Diplomatic Negotiations of 1655 Described by Dyak Tomilo Perfirev and Venetian Diplomat Alberto Vimina”], *Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova. Vysshiaia shkola perevoda. III Mezhdunarodnyi nauchno prakticheskii forum. Iazyki. Kul’tura. Perevod. 19–25 iunია 2015 g. Materialy* [3th International Scientific-practical forum. Languages. Culture. Translation. June 19–25, 2015 Materials] [Electronic Edition]. Moscow, Moscow University Publ., 2015, pp. 135–148. Available at: http://www.esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/filesconf/lct15.pdf (Accessed 15 May 2022) (In Russian)
 - 5 Pokhlebin, V.V. *Vneshniaia politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh* [Foreign policy of Rus’, Russia and USSR], vol. 1. Moscow, MO Publ., 1992, pp. 202–207. (In Russian)
 - 6 Sergeev, F.P. *Russkaia diplomaticheskaiia terminologiia XI–XVII vv.* [Russian Diplomatic Terminology of the 11th–17th Centuries]. Kishinev, Kartia Moldoveniaske Publ., 1971. 219 p. (In Russian)
 - 7 Sharkova, I.S. *Rossiia i Italiia: torgovye otnosheniia XV — pervoi chetverti XVIII v.* [Russia and Italy: Trade Relations in the 15th — the First Quarter of the 18th Century], ed. corresponding member USSR Academy of Sciences V.I. Rutenburg. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 210 p. (In Russian)
 - 8 Giraud, G. “Venezia e la Russia, 1472–1797: trionfi e tramonti a confronto.” *Volte dell’Impero Russo*. Milano, Electa, 1991, pp. 53–62. (In Italian)
 - 9 Longworth, Ph. “Russian–Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich.” *The Slavonic and East European Review*, vol. 64, no. 3, July 1986, pp. 380–400. (In English)

Информация об авторе: Наталья Борисовна Карданова — доктор филологических наук, доцент, Генуэзский университет, площадь св. Сабины, д. 2, 16124, г. Генуя, Италия.

E-mail: natasha.kardanova@gmail.com

Information about the author: Nataliya B. Kardanova, DSc in Philology, Associate Professor, University of Genoa, place of Saint Sabina, 2, 16124 Genoa, Italy.

E-mail: natasha.kardanova@gmail.com

Для цитирования: Карданова Н.Б. Дипломатическая миссия Альберто Вимины в Россию XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 412–458. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-412-458>

© 2022, Н.Б. Карданова

For citation: Kardanova, N.B. “Diplomatic Mission of Alberto Vimina to Russia in the 17th Century.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 412–458. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-412-458>

© 2022, Nataliya B. Kardanova